

Алексей
МАКЕЕВ

ОТЕЛЬ

с видом на смерть

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Алексей Макеев

Отель с видом на смерть (сборник)

«Научная книга»

2012

Макеев А. В.

Отель с видом на смерть (сборник) / А. В. Макеев — «Научная книга», 2012 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-699-57966-2

Женщину предупреждают о том, что она будет убита, будущая жертва обращается за помощью к частным детективам, но ее ничто не может спасти, даже то, что в ночь убийства она делила постель со своим защитником... Таинственный незнакомец просит частных сыщиков раскрыть убийство, совершенное в некоем закрытом роскошном пансионате. Сибиряк, москвич, вор, мент и бандит проводили в нем «деловое совещание», и по ходу его одного из них убивают... в постели горничной. Сыщиков вместе с постояльцами запирают на некоторое время в «золотой клетке», но раскрывать им приходится уже тройное убийство. А что объединяет эти два дела? Конечно, замечательный сыщик Максимов, который с коллегами блистательно их расследует.

ISBN 978-5-699-57966-2

© Макеев А. В., 2012

© Научная книга, 2012

Содержание

Предупрежден – значит... убит	5
1	5
2	12
3	19
4	26
5	33
6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Макеев

Отель с видом на смерть

Предупрежден – значит... убит

*Первый вопрос, который ставит перед собой мудрый человек:
зачем?*

*Второй вопрос, который ставит перед собой мудрый человек:
зачем я ищу ответ на первый вопрос?*

Свод абсолютных истин. Клуб «Антилир»

1

Третье мая, понедельник, 17.30. Офис агентства «Профиль».

В кабинете Максимова было сумрачно и неудобно. Состояние затянувшейся тяжести после праздника. Протащившийся волоком день лишь усугубил депрессию.

Больше всех постаралась гражданка Шатрова – этой пышнотелой, назойливой креолке однажды примерещилось, будто ее муж развлекается на стороне, в связи с чем гражданка Шатрова заявила в «Профиль» и вот уже две недели истязает сотрудников, требуя предоставить ей документальные свидетельства адюльтера. Ситуация неуставная – даме от души посочувствовали и указали на дверь. Слежка за гражданами – занятие чертовски увлекательное, но монополией на эту радость обладает исключительно государство, частным лицам оно запрещено, поскольку нарушаются права человека. Статья семь, пункт третий Закона РФ о частной детективной и охранной деятельности. Каким образом гражданке Шатровой удалось уговорить агентство (читай, Максимова) – отдельная грустная история, в которой немаловажную роль сыграла сумма, предложенная гражданкой.

Самое же смешное заключалось в том, что десятидневная слежка за объектом не выявила никакой супружеской измены! Гражданин Шатров был чист, как последний импотент! Работа, бар, друзья, одинокие посиделки в кинозале. На заигрывания путан не реагировал, свиданий не назначал. Единственный грешок – полчаса, проведенные в стрип-баре, откуда он выходил явно не в духе. Депрессия у человека. Когда же собранная информация была торжественно предоставлена гражданке Шатровой, случилось непредвиденное. Вместо того чтобы обрадоваться и всех расцеловать, гражданка Шатрова пришла в неистовую ярость, стала орать, что этого не может быть, что нечистоплотные детективы сговорились с ее мужем, который определенно впал в адюльтер. Уж она-то знает! С чего гражданка вбила себе этот адюльтер в голову, никому не известно. Она грозилась пойти жаловаться (интересно, куда?), требовала возврата денег. А когда немного успокоилась, решительно заявила, что так просто этого дела не оставит. И если агентство не предъявит ей требуемые материалы через неделю, то крупно пожалеет.

Очередной скандальной рекламы Максимова не хотелось. И на супруга гражданки Шатровой никакой надежды не было. Поэтому на экстренном совещании под похмельный сатанинский хохот было принято беспрецедентное решение: под видом документальных свидетельств предъявить художественные. Нанять толковую путану («Есть тут одна носительница хламидий, – мстительно урчал Вернер. – Огневая штучка. У кого угодно вскочит»), повесить ее на депрессивного муженька, довести до постели и все это дело аккуратно заснять. Пусть подавится.

Словом, до 17.00 со скрипом дотянули. «Наше время пошло», – тихо радовался Вернер. Но под занавес дня нарисовалась еще одна посетительница...

Длинноногая Екатерина сидела в кресле, прямая как шпага, взгляд остановившийся. Вернер мысленно рисовал на осточертевших обоях рюмочку. Олежка Лохматов в дальнем углу сливался с цикламеном, глотал цитрамон и через наушники слушал плеер – любимую песню «Короля и Шута» про дедушку, которого волки съели. Максимов задумчиво смотрел в глаза посетительнице.

– Позвонил мужчина, сказал, что ему очень жаль, но через неделю я должна умереть.

«Действительно жаль, – с огорчением подумал Максимов, – не хотелось бы такую потерять». Немного за тридцать, хороша собой, выхолена, удлинненное лицо, челочка. Отдаленное сходство с певицей третьей эмигрантской волны Любой Успенской, но помоложе. На вид спокойная, даже строгая.

Детективы молчали.

Посетительница вздохнула и понизила голос:

– Посоветовал закончить свои дела, чтобы не было «хвостов», подготовиться к вечности и к указанному дню постараться не переживать. Дословно не припомню, но смысл похожий. У него еще голос был такой... дрожащий. Тихо говорил, заторможенно, с чувством...

– Не по бумажке? – покосилась Екатерина.

– Н-нет, не думаю... Хотя и не импровизировал – знал, что скажет.

– А вы, простите? – откашлялся Максимов. Остатки праздника в пищеводе продолжали препятствовать членораздельной речи.

– Кулагина Ирина Владимировна. – Посетительница вынула из сумочки паспорт и положила перед Максимовым. Сыщик рассеянно пролистал книжицу.

– Позвонил вам домой? – уточнила Екатерина.

– Да, конечно, поздно вечером. Голос незнакомый. Я как раз собиралась ложиться спать – постель разобрала, ночник притушила, а тут – здрасте... Если вас интересует, одна ли я собиралась ложиться спать, то да, одна.

Графа «Семейное положение» девственно пустая. Но это означает лишь отсутствие мужа на текущий момент. Все прочие браки-разводы при обмене паспортов не учитываются. Однако страничка «Дети» также пуста. Не сложилось, бывает.

– А за что вам такое счастье, не сказал? – вкрадчиво вступил Вернер.

Ирина хорошо владела собой. Но это «хорошо» могло в любую секунду оборваться.

– Не сказал. Трубку повесил.

Тишина в офисе.

– Ну что ж, – попытался сострить Вернер, – время на раздумья у вас пока есть.

– Нет времени, – покачала головой Ирина. – Он звонил во вторник, двадцать седьмого апреля. А сегодня третье, понедельник.

Продолжение немой сцены.

Лохматов снял наушники, пробормотал:

– Жаль, нет ружья... – и принялся созерцать Ирину, как зверюшку из далекой галактики.

У Екатерины проснулась жалость. У Максимова – раздражение. У Вернера – математические способности: он наморщил лоб, пошевелил губами и начал загибать пальцы:

– Ага. То есть умереть вы должны завтра. Веселенькое дельце.

– Типун вам на язык, – поморщилась Ирина. – Впрочем, исходя из хронологии... наверное.

– А у кого-то есть причины желать вашей смерти? – спросила Екатерина.

Женщина как-то тревожно покосилась на дверь. Подумав, пожала плечами:

– Я таких не знаю.

– Не могу избавиться от мысли, что вы всю неделю беспробудно спали, – с укором заметил Максимов. – Ладно, давайте начнем сначала. Он позвонил перед сном. Вы уже разобрали постель. Хорошо выпались?

– А знаете, неплохо, – оживилась женщина. – Я сначала не испугалась. Неприятное ощущение, не больше. Развлекается кто-то. Шутит. Да и голос... как бы вам это сказать... Легковесный. Нет, он, конечно, старался казаться серьезным, но... что-то в нем было не так. А я до этого выпила бокал красного вина – ну чтобы расслабиться, уснуть побыстрее, понимаете?..

– У вас АОН есть? – перебил Лохматов. – Или автоответчик?

– Нет, – сокрушенно развела руками Ирина. – Деловые разговоры... да и часть личных я веду по сотовому, а домашний стараюсь лишний раз не афишировать.

– Понятно, – хлопнула саблеобразными ресницами Екатерина. – И что же было потом?

– Я забыла о звонке. Совсем. Вы можете не верить, но это так, зачем обманывать? Работа отнимает все время. Он позвонил в четверг, сказал, что я умру через пять дней. Я сделала попытку поговорить с этим психом, но он уже повесил трубку. Вот тут я испугалась по-настоящему. Ночью ворочалась, уснуть не могла, а в пятницу чуть свет первым делом побежала в милицию.

– То есть вина наемни вы уже не пили, – иронично констатировал Максимов.

– Не пила, – подтвердила Ирина. – Не успела. Я так испугалась... Потом, конечно, выпила... с коньячком, но не думаю, что от этого была польза. А в милиции, сами понимаете...

– Ах, нам ли не понимать, – оживился Вернер. – Старая песня. Ерундой они не занимаются, дел невпроворот, преступников ловить надо, и к каждой прелестной особе, которой что-то померещилось или послышалось, просто физически не могут приставить охрану. Вот когда вас убьют, тогда пожалуйста – приходите.

– Грубовато, но смысл верен, – поджала губки дама. – Я сумела пробиться к начальнику криминальной милиции Железнодорожного района некоему капитану Корнееву. Он выслушал, повздыхал, полистал за чем-то свой настольный календарь и посоветовал обратиться в частное агентство «Профиль» – благо оно на соседней улице и не гнушается пустяковыми делами.

На лицо Максимова легла тень воспоминаний. Он однажды слышал данную фамилию – Корнеев. Ведь жизнь щедра на лица и события. Неприятный эпизод или ряд неприятных эпизодов... Нет, навскидку память не стреляла. Шут с ним, товарищем Корнеевым.

– А когда я вышла из милиции, меня опять охватило безразличие, – продолжала Ирина, немного зардевшись. – Экая, право, глупость, – подумала я. Не пойду никуда. Люди смеяться будут. И не пошла. Вот только... – Дама изменилась в лице. – Настал момент, когда попытки казаться невозмутимой становятся никому не нужны.

Детективы переглянулись.

– Позвольте сообразить... Он позвонил в третий раз? – смекнул Максимов. – А вы опять не удосужились приобрести АОН. Когда же это знаменательное событие случилось? Вчера, сегодня?

– Дался тебе этот АОН, – фыркнул Вернер. – Наверняка звонили из защищенного места.

– Сегодня позвонил... – Утратив контроль за лицом, Ирина принялась неудержимо бледнеть. – Я подогревала завтрак в микроволновке... Он вежливо поздоровался, напомнил, что завтра мне придется умереть...

– Сколько времени потеряно, дьявол! – сорвался Максимов, врезав ладонью по подлокотнику. Ох уж эти бестолковые железные барышни, на поверку ничем не лучше прочих кисейных. Поздно устанавливать у клиентки определитель номера – придурок больше не позвонит, он свое черное телефонное дело сделал. А любые сыскные мероприятия в оставшиеся часы будут выглядеть клоунадой. – Так чего же вы хотите от агентства, Ирина Владимировна? Вам нужна охрана на завтрашний день?

– Мне нужна... защита, – дрогнул голос клиентки. Из последних сил она пыталась совладать с собой. Но лежащие на коленях руки уже охватывала предательская дрожь.

Екатерина, спохватившись, победила похмельную недвижимость, укоризненно покосилась на Вернера и отправилась к кулеру. Вернер за спиной посетительницы развел руками – не успел.

Выпив воды, Ирина успокоилась.

– Вы поможете мне? – спросила она с неподдельной надеждой у Максимова. – Не надо опекать меня до третьего пришествия, это понятно. Но завтрашний день... Может, парочка последующих...

Не любил Максимов, когда на него смотрят с неподдельной надеждой. Смущаться начинал, и совесть во всех местах чесалась. А ведь ясно написано на входе: «Частное детективное бюро», а не «Фонд бесплатного вспомоществования во всяческих ситуациях».

– Хорошо, – пробормотал он, – мы составим договор. Подойдите к секретарше – она все оформит. И усиленно советуем вам, Ирина Владимировна, завтра посидеть дома. Под защитой, разумеется.

– Не могу, – Ирина обреченно мотнула головой. – Хоть режьте. Завтра шведы приезжают – из Эстер...сунда, это городок такой, вроде нашего Академгородка. Мы целый год готовили эту встречу, из кожи лезли, чтобы заключить договор, и вот теперь, когда выгодная сделка уже в кармане...

– А вы где работаете, простите? – поморщился Максимов.

– Фирма «Бетаком», может, слышали? Развитие информационных технологий, техническая поддержка малого бизнеса...

– Вас некому защитить?

Ирина смутилась:

– Это маленькая фирма... Да и знаете, если честно – не хочу выглядеть посмешищем.

– Дело в принципе хозяйское, – пожал плечами Максимов. – Мы беремся с горячим энтузиазмом вас защищать и тормозить любого, кто проявит к вам нездоровый интерес, но это не значит, что сами вы при этом можете вести себя легкомысленно. Впрочем, вы клиентка, деньги – ваши, и жизнь, кстати, – ваша, вам решать. А что касается оплаты...

– Я согласна на любую сумму, – быстро сказала Ирина.

– Не надо любую, – нахмурился Максимов, – есть конкретный прейскурант. Он у вас за спиной. До конца недели переведете на счет в Сбербанке... Я сейчас вам эту цифирь распечатаю.

Вернер встревоженно вскинул голову:

– До конца недели?

Язык он после этого прикусил, но гадкое слово вырвалось. Воцарилось тягостное молчание. Екатерина выразительно постучала кулачком по симпатичной головке. Лохматов живо нацепил наушники. Максимов с головой зарылся в принтер. Любочка в приемной плавно отжала клавишу и затаила дыхание.

Клиентка испуганно обвела глазами всех присутствующих (за исключением невидимой Любочки) и зябко поежилась.

– Хорошо... я переведу сегодня. Сколько стоит ваш рабочий день?

– Триста, – как-то сипло выдавил Максимов. – Не рублей.

– Еще по-божески, – прошептала, пряча глаза, Екатерина. – А мог и пол-«тонны» срубить, злодей...

...От посетительницы остался тонкий шлейф настоящего «Ж'е Озе» и стул посреди кабинета. Оборвалось напряжение. Олешка Лохматов беспокойно приняхивался, что-то бормоча о роли и значении афродизиака в нашей жизни. Вернер невозмутимо показал на циферблат

(день прошел, пора снимать остроту проблемы), приблизился к замаскированному бару и за горлышко выудил початый коньяк.

– Маловато осталось, Константин Андреевич. Почему не следишь за восполняемостью ресурсов?

– Деньги кончились в стабилизационном фонде, – хмыкнула Екатерина.

Придвинулся со стулом Лохматов. Екатерина сполоснула стаканы.

– Любочка, – повысил голос Максимов, – дверь на ключ, ключ в яйцо, у нас важное производственное совещание.

– Да неглупая, соображаю, – фыркнула приемная. – Только быстро давайте, домой пора.

– Счастье-то какое, – прокомментировал принятие первой Вернер. – Плохой ты все-таки человек, Константин Андреевич. Зациклен на производственной дисциплине. С утра по сто грамм – и день промчался бы как радостная новогодняя ночь. Неужели жалко стало?

– И гражданка Шатрова накатала бы телегу в милицию, копию – в мэрию и ближайший наркологический диспансер, – подхватила Екатерина. – Довольствуйся малым, Шурик. Константин Андреевич – золотая личность. Не сусальное, правда, золото – так, намывное, но все-таки. За золото и предлагаю выпить вторую.

Выпили.

– А теперь внимание, – объявил Вернер, вынимая из кармана свернутый листок. Разложил на коленке, разгладил ладонью. – Головы у нас, конечно, светлые, коллеги, но техническая беспомощность нашего агентства просто обескураживает. Константин Андреевич, с тебя три тысячи долларов.

– Всего-то? – пробормотал Максимов. – Чего это у тебя?

– Скидка сорок процентов, заметь. Знакомый на черном рынке угодил под шмон. Залетел на бабки – теперь распродает почти задаром новейшее шпионское имущество. Серьезно, Максимыч, вещички ценные.

– Дай-ка гляну. – Максимов сцапал листок.

– Да ты сам не поймешь. Слушай. Первое. Эндоскоп – работает по типу перископа в подводной лодке. Комплектуется гибким зондом – такой штуковиной, что позволяет видеть из-за угла, через щели, замочные скважины. Темнота не помеха – воспринимает инфракрасное излучение. Второе. Мини-камера – диаметр объектива меньше миллиметра. Втыкается в стену, и все пучком. Подобной штукой, кстати, сняли компромат на генпрокурора, когда он с девками резвился. Третье. Система акустического прослушивания помещения через телефонную сеть. Уехал на Таити отдыхать, а мы тут пьянствуем. Набираешь с Таити наш номер, ждешь, пока прозвучат два гудка, кладешь трубку – включается система. Затем перезваниваешь, набираешь код и слушаешь – в трубке прозвучит все, о чем мы говорим про тебя в твоем кабинете. Четвертое. Регистратор телефонных переговоров. Вроде диктофона со схемой подключения к телефону. Для ревнивых мужей. Прибор автоматически включает запись, когда трубка снята, и останавливает, когда положили. А при прослушивании на дисплее высветится номер, по которому звонили. Очень удобно быть в курсе всех бесед, которые ведет жена в отсутствие мужа. Или наоборот. И пятое – знаменитая «Радионяня». Вообще-то предназначена для наблюдения за ребенком, но в принципе «жучок» универсальный. Разницы никакой.

– Между прочим, Вернер прав, – задумчиво сказала Екатерина. – Жадность, Костик, это твоя натура, но ты подумай. Вернется сторицей.

– Не грузите меня, – поморщился Максимов. – Ладно, давай шпаргалку, потом разберемся. – Сложил листок по сгибам и убрал в ящик стола.

– Смотри, Костик, обрстет культурными слоями, забудется...

– Три дня, командир, решайся, – напомнил Вернер. – А то уйдет товар.

Олежка Лохматов постучал ногтем по стакану.

– Наилучшее дедовское средство! Приложишь стакан к стене – и слушай себе все, что происходит в соседней комнате. Прекрасные резонансные свойства, между прочим. Аккумулирует звуковые колебания голосового диапазона и является упрощенной моделью современного стетоскопа.

– Наливай, – буркнул Вернер.

Беседа потекла веселее. Прошлись недобрым словом по гражданке Шатовой, похихикали. Третий тост за гражданку Кулагину с точки зрения черного юмора был бы уместен, но как-то не решились. Даже Вернер, не особо утруждающийся в выборе слов, предпочел отделаться молчанием. От греха подальше.

Странное дело с этой Ириной Владимировной. Но обсуждать, в сущности, нечего. Всякий бред слышали. Процент на восемьдесят – глупая шутка. Десять процентов – иные объяснения, еще десять – зловещий, натуральный маньяк, насмотревшийся страшилок и решивший пойти параллельным путем. Но что-то не слышали никогда о таких маньяках. Зачем гадать? Как говаривал композитор Хренников: «Гадать не надо, товарищи, надо лишь дожидаться завтрашнего дня».

– Предлагаю не строить фантастических гипотез, время покажет, – объявил Максимов, убирая со стола пустую бутылку. – Все, по хатам, в девять утра милости просим на работу. Часиков в одиннадцать вечера я попробую позвонить Ирине Владимировне, прозондирую, как у нее настроение.

– Между прочим, есть отличный способ поднять незамужней женщине настроение, – скабрёзно хихикнул Вернер. – Если хочешь, Константин Андреевич, поделюсь информацией.

– Не про ту честь, – отмахнулась Екатерина. – С некоторых пор нашего Константина Андреевича это не волнует. Есть одна особа. Нет, конечно, он освободится от тяжелого гнета, но когда это произойдет? Я бы поставила месяца на четыре – к осенней депрессии. Но стоит ли загадывать?

Сгребли орудия труда, разделили по последней. Посидели, разошлись.

Улизнула Любаша, прочиркав очередному бой-френду, что бежит в ЦУМ, он обязан подхватить ее у ступеней, чтобы накормить хрустящей курочкой в открывшемся кафе напротив магазина, а затем отвезти домой, за что она, может быть, напоит счастливого чаем.

Максимов без причин задержался. Случалось с ним такое – не пускала работа. Сидел, уткнувшись в монитор, бессмысленно водил мышкой. Курсор перемещался скачками. Надо шарик прочистить. Или коврик заменить. Или прекратить, в конце концов, портить зрение и взвалить общение с оргтехникой на плечи сотрудников. Олежка Лохматов обрадуется. Любит он ничего не делать. А кто любит?

Разошлись не все. За спиной бесшумно возникла Екатерина (Максимов вздрогнул), потрепала начальника по вихрам и со свойственной ей грацией примостилась на краешке стола:

– Призадумался, Константин Андреевич?

– Запутал, – улыбнулся Максимов, – в последней мозговой извилине.

Офис «Профиля» и все, что входило в круг, очерченный страшным словом «работа», Екатерина посещала в строгих деловых костюмах. Но выглядела в них настолько сексуально, как если бы приходила трудиться в крошечных стрингах.

– Ты знаешь, Костик, и я запуталась, – печально вымолвила Екатерина. – Я, кажется, влюбилась...

Он не услышал в ее словах традиционных насмешливых ноток. С удивлением оторвал глаза от упакованных в капрон коленок и поднял выше.

– А по тебе не скажешь. Ты знаешь, я уже ревную.

– А по тебе тоже не скажешь, – пожала плечами Екатерина. – Но ты же не станешь отрицать, что уже полгода безнадежно влюблен, умудряясь совмещать это чувство со скорбью по покойной жене?

– Давай не будем о покойных, – нахмурился Максимов. – Надеюсь, ты влюбилась в мужчину?

– Надеюсь, да, – засмеялась сыщица. – Во всяком случае, разговаривая в моем присутствии с женой, он старается не бледнеть и почти не заикается. Теперь не знаю, что мне с этой напастью делать. Тащить тяжело, а выбросить жалко.

– Тяжелый крест – любить иных, – почесал затылок Максимов. – Какие-то странные мы с тобой, Катюша. Большинство людей, подхватив любовный вирус, парят на крыльях, наплевав на полетные инструкции, им жизнь представляется смешной и легкой. До невозможности легкой.

– Невыносимая легкость бытия? – задумалась Екатерина. – Хорошая фраза... Не я ее придумала, нет?

– Кино такое было. Послушай, Катя, а к твоей заразной болезни ни я, ни Вернер отношения не имеем?

– Даже отдаленного, – фыркнула сотрудница, – и не надейся. Я давно не путаю работу с личной жизнью. Помнишь, как четыре года назад ты оказался по недосмотру в моей постели? Вот с тех пор и не путаю.

– Не понравилось? – прищурился Максимов.

– Очень понравилось, – похвалила Екатерина, – молодец. Но работа дороже. До завтра, Костик.

Поднялась, одернув юбку, и, грациозно покачивая формами, поплыла к двери.

– Жуть, конечно, крошечная, – остановилась на пороге, задумчиво посмотрев на шефа. – Мы оба влюблены и не спешим домой. Но я не об этом. Представляю – вот бы мне позвонили и по секрету поведали, что через неделю я умру. Б-р-р-р... – Екатерина манерно передернула плечами. – Я бы окоचурилась, Костик, честное слово. И не стала бы дожидаться ясности – шутка или нет, собрала бы чемодан, наврала тебе с три короба о необходимости внеочередного отпуска – и подальше от людских глаз... Чао.

Хлопнула дверь в кабинете. Хлопнула в приемной. Хлопнула входная с улицы.

– Охрана? – поднял трубку Максимов. – Агентство «Профиль», Казакова, шесть. Мы уходим.

2

После гибели Агнессы Маринка сильно изменилась. Круглые щечки стали плоскими – ни одно баловство не спасало. На дворовые тусовки почти не ходила, почти все время молчала. Книжки почитывала, чего раньше за ребенком не замечалось. Научилась готовить пиццу – причем освоила дюжину абсурдных начинок – от рыбы скумбрии до спецбананов – наивно полагая, что это разные блюда и папа должен быть рад.

– Опять не гуляла, опять весь день уроки делала? – сокрушался Максимов, норовя приобнять дочь. – И в кого ты у меня такая растешь?

Он ни разу не обругал ее за последние полгода! Всеобъемлющее чувство вины и рана на сердце не рубцевались. Не желали! Наоборот, чем больше проходило времени с того дождливого понедельника, тем муторнее становилось на душе. Он старался как можно реже подходить к зеркалу, ни разу не встал на весы, все семейные фотоальбомы запер в секретере, а ключ старательно потерял. На прошлой неделе он обнаружил на замке следы взлома неумелой детской рукой, а Маринка в тот вечер была предельно молчалива...

– Не нуди, папахен, – огрызнулась дочь. – Настроения не было гулять. Тележурнал смотрела – «Хочу все забыть», понимаешь? Есть будешь?

– Буду, дочь, непременно. Но позже. Когда приду.

– А ты еще не пришел?.. Ах, прости, к тете Маше собрался. Как всегда, ненадолго и не всерьез. Вот только душ примешь.

– Не брюзжи.

Но Маринка уже завелась.

– И не надоест тебе жить на две постели? Ну скажи, папахен, почему бы тете Маше не перебраться в наш дом? Она не против, ты не против, я не против, мне уже до лампочки. Тогда по вечерам ты будешь дома. Будем чинно сидеть в гостиной за круглым столом и играть в подкидного дурака, вернее, дуру, поскольку выиграть у тебя в эту народную игру невозможно... Почему бы ей не переехать, пап? Проще-то ведь только сплунуть.

– А как до дела, так ничего у нас не выходит, – развел руками Максимов. – Не ладится ее переезд, Мариша. Это сложная философия, с которой не справится ни одна женщина.

– Почему?

– А потому что это ваша природная черта – усложнять там, где не надо, и упрощать там, где сложно.

Впопыхах он принял прохладный душ и вырядился в чистое.

– Не скажешь ничего приятного напоследок? – выкрикнула с кухни Маринка.

Очень он хотел сказать своей дочери что-то приятное. И не только сказать, но и сделать. Самое время. А напоследок он еще ох как скажет...

Максимов мялся на пороге, понимая, что слово не вернуть.

– Мариш, давай машину купим?

На кухне воцарилось потрясенное молчание. Через минуту из ослабших рук ребенка выпала шумовка. Через другую показалась сама – какая-то ватная, растерянная.

– Стиральную, швейную, закаточную?..

– Нет.

– Ты серьезно, папа?

– Серьезно, – кивнул Максимов с важным видом. – А какие проблемы, дочь? Давно пора. Заработал за последний квартал по-божески, долгов не наделал.

– Ясенько, – осенило Маринку, – тетя Маша надоумила.

– При чем здесь тетя Маша? – обиделся Максимов.

– Чтобы в маршрутках больше ни с кем не знакомился. – Он впервые за много дней узрел на губах ребенка озорную улыбку (а ведь всякого можно купить...). – Ладно, папа, шучу. Новость просто блеск. Когда пойдем? И учти, я с тебя теперь не слезу. Обещал – выполняй.

– Не пойдем, – возразил Максимов. – Ты девица взрослая – доверяю подобрать достойную нашей семьи тачку самостоятельно. Не дороже пятнадцати. В Интернете покопайся, журналы полистай. Не забудь, что через три года ты получишь права и должна смотреться за рулем так, чтобы народ не смеялся. Но во дворе не трепать. Подберешь – телефонируй.

– Понимаю, пап. – Маринка сглотнула и невольно приняла стойку смирно. – Я все сделаю, пап, краснеть не будешь. Только скажи, в какой промежуток времени тебе не звонить?..

Очень быстро темнело. Так всегда, тянется серость и, кажется, никогда не кончится, а потом вдруг обвал – и разом черно. Он топал через «любимую» подворотню – кратчайший путь с проспекта в яму на Котовского – одолел половину сводчатого тоннеля, когда что-то надоумило его обернуться. Бывает такое. «Обернись», – командует височная доля мозга.

Сыщик напрягся – на краю арки явственно шевельнулось тело. Такое ощущение, что человек, узрев вращение Максимова, предпочел обождать.

Арка вытекает в малопосещаемый проходной двор, на другом конце – пустынная улочка, с которой полминуты назад он решительно свернул. Сумерки густые, склеенные, руками не раздвинуть... Он, встревоженный, отошел к облупленной стене и затаился. Снова что-то шевельнулось. Подглядывает, сообразил Максимов.

Гул улицы куда-то запропал. Он слышал тиканье часов на запястье. О стеснительных хулиганах до текущего дня информацией не владели. Догоняют в подворотне и конкретно бьют. Могут насмерть, могут попугать. Устаревшие данные? Или нечто иное? Газовик привычно грел подмышку. Большого страха не было. Но можно и по-разному испугаться. Он стоял не дыша, всматриваясь в серый арочный проем. Незнакомец не высовывался. Ну и ладно. Он не может тратить время на возню с призраками.

Максимов энергично зашагал дальше, выбрался в проходной двор, уставленный мусорными контейнерами. Короткий взгляд назад подтвердил опасения – человек на обратной стороне присутствовал. Но какой-то робкий, нерешительный. Максимов добежал до ближайшего контейнера, сел на корточки, приготовив на всякий случай пугач. Подходящее местечко – ни прохожих, ни бомжей... Соглядатай не выходил.

Подождав пару минут, Максимов перебежал двор и сунул нос обратно в арку. Померещилось, видать. Пустое пространство, никого живого. Чертыхаясь, он на крейсерской скорости миновал подворотню и выбежал на параллельную проспекту улочку.

Тишина вечерняя. Тополя с набухшими почками заслоняют фасады сталинских домов. На углу материализовалась кучка подвыпивших детей – потащились по диагонали через дорогу. Он сместился вправо – на щербатый угол, следили с этой точки. И застыл, уловив в неподвижном воздухе аромат... Тончайшие флюиды дорогих французских духов. Не успели раствориться. Это вовсе не означало, что женщина вылила на себя целый флакон. Достаточно символического мазка в районе обеда. Максимов обладал несвойственным для курящего мужчины обонянием.

– Ты чем-то озабочен, но это не я, – грустно вымолвила Маша, гнездясь у него под мышкой. Он курил, пуская дым в приоткрытую форточку. Телевизор в углу бесшумно транслировал вечерние новости НТВ. В Багдаде что-то привычно взрывалось. Женская нога привычно покоилась на коленях. Привычная постель привычно смята и шуршит. Но состояние сегодня какое-то подвешенное. Непокойно на сердце.

– Прости, Маша, настроение не в дугу. Клиентка под занавес испортила... Не могу избавиться от ощущения, что со мной это уже происходило. Время года, правда, другое – сентябрь,

дожди... Перевари ситуацию: у тебя зазвонил телефон, и незнакомый голос с придыханием сообщил, что жить тебе осталось ровно неделю. Двое суток проходит, снова звонок – с напоминанием об оставшихся пяти. И так далее – вплоть до последнего дня. Ты не имеешь возможности высказать свои претензии, ты не знаешь, шутка ли это, а если нет, то чем заслужила. Каковы твои действия, Маша?

Женщина оцепенела. Он почувствовал, как мягкое плечо обрастает гусиной кожей.

– Это страшно, Костя... – Ее передернуло. – Даже шутка – все равно какая-то нелюдская, до инфаркта может довести. Ничего себе шутка! Не приведи бог. Неделя... Это хуже, чем один день. Сутки пролетают быстро, а неделя тянется как резиновая. Семь дней неизвестности... Да я от ужаса бы померла, ты же знаешь, какая я трусиха...

– Думаешь, неспроста назначается недельный срок? – насторожился Максимов.

– Ну разумеется, Костя. Кто-то хочет, чтобы женщина подольше помучилась... А ты не шутишь? Ей правда позвонили и сказали, что она умрет?

Затрещал телефон на тумбочке. Маша подпрыгнула и села, заблестев глазенками. Сердце невольно сжалось. Не лучшее мгновение в жизни. А он-то сам чего боится? Скрипя зубами от досады, Максимов первым схватил трубку.

– Гуд найт, папахен, – бодро сообщила Маринка. – Я так и знала, что в этом городе должен быть кто-то живой. Тебе не кажется, что пора и честь знать?

– Не надо ее знать, дочь, – облегченно вздохнул Максимов, – Честь желательно иметь и расставаться с ней как можно позже. Ты имеешь что-то сообщить?

– Прикинь, папахен, я залезла в компьютерную адресную книгу. В нашем городе двенадцать Константинов Андреевичей Максимовых, шесть Александров Сергеевичей Пушкиных, ни одного Михаила Юрьевича Лермонтова и целых два Бориса Годунова, один из которых – Федорович... Стоп, папахен, не бурчи, я твою краденую программу уже закрыла. Перехожу к делу. Как тебе нравится «Кадиллак-эскададо»? Знойный вариант, но с мелким дефектом: в две тысячи втором году компания «Дженерал моторс» отозвала шестьсот тысяч внедорожников из-за возможности самопроизвольного опускания подголовников. Четырнадцать человек защемили пальцы, вставляя их между подголовником и сиденьем. Бедные людишки. Ты не знаешь, пап, зачем они туда вставляли пальцы?

– Без понятия, дочь. – Он едва сдерживал смех. – Логичнее вставлять их в нос. Забудь о внедорожниках, Мариша, мы не бурим нефтяные скважины. Требуется что-нибудь попроще. Мини-«БМВ», например. Или «Ока». Не звони больше, я скоро приду.

– Чудит? – улыбнулась Маша.

– Немного. – Максимов положил трубку, с хрустом размял локоть и вернул Машу в прочные объятия. – Мы с дочерью решили купить машину, и я полностью полагаюсь на ее вкус.

– Я очень рада за вас, – томно прошептала Маша. – Теперь ты станешь уважаемым и не будешь с кем попало знакомиться в маршрутках.

Снова телефонный звонок – стилизованная трель из популярного каприза Паганини. Это сотовый – в глубинах максимовского гардероба. Он со вздохом свесился на пол и разрыл одежду.

– Константин Андреевич? – осведомился глуховатый женский голос. – Это Ирина Кулагина, помните? Я была у вас сегодня. Вы свой номер оставили...

– Не узнал, Ирина Владимировна. Долго жить будете.

Шутка на том конце провода осталась неоцененной.

– Прошу простить, Константин Андреевич, видите ли, я задерживаюсь на работе, у нас аврал, завтра шведы приезжают... Просьба огромная – не могли бы вы проводить меня до дома? Понимаю, это не совсем для вас удобно, но я тут подумала – если... ну вы понимаете... случится завтра, то ведь завтрашний день начнется через полтора часа, так? Знаете, не по себе как-то... Вы не волнуйтесь, расходы я оплачу. – «Приговоренная» выжидающе замолчала.

Максимов поморщился и покосился на циферблат. Не совсем удобно – это верно подмечено. Но решаться надо – он сам обещал позвонить.

– Я прекрасно понимаю вас, Ирина Владимировна. Где мы встретимся?

– Адрес фирмы: Красный проспект, шестьдесят. Это новый дом напротив «Научной книги». А живу я рядом с вокзалом. Пять минут езды.

– Хорошо, через полчаса буду.

Пришлось вылезать из кровати и, чертыхаясь, одеваться.

– Счастливая, – обиженно поджала губки Маша, – проведет с тобой остаток вечера.

Он поцеловал ее в губы, пресекая бессмысленную попытку вырваться.

– Лишь бы не остаток жизни. Остерегайся случайного счастья, Маша. Эта женщина может завтра умереть.

В «мистической» подворотне, кроме серой кошки, никого не было. Лохматый комочек сдавленно мякнул и рванул на улицу. Пристроив руку за пазухой, Максимов быстрым шагом одолел арку. Десять минут спустя ночное такси уже везло его на правый берег.

Фирма «Бетаком» занимала пол-этажа в недавно отгроханном современном строении со смешными «ушами»-мезонинами. По освещенному вестибюлю болтался охранник. Еще один покуривал на крыльце. Ирина Владимировна поджидала в темной иномарке у парадного входа.

– Присаживайтесь, Константин Андреевич. Вы на редкость пунктуальны. Это радует.

Ему казалось, ее голос подрагивает. Но держалась Ирина Владимировна достойно. Спокойно завела двигатель, мягко вырулила на проспект. Замелькали желтые огоньки светофоров. У потенциальной жертвы бесстрастный, картинный профиль. В меру вздернутый носик, по-негритянски выпуклые губы (говорят, такие губы стоят тысячу долларов и два визита к пластическому хирургу). Только палец по рулю как-то судорожно елозит.

– Вы закуривайте, Константин Андреевич, не смущайтесь – вижу, хочется, – заметила Ирина, не отрываясь от дороги. – Я сама курю, просто не люблю это делать во время движения.

Максимов охотно воспользовался предложением.

– Надеюсь, подготовка к встрече с норманнами не помешала вам лишний раз задуматься, кому вы насолили?

Пухлый ротик дрогнул, показались зубки, цепко впившиеся в нижнюю губу.

– Вы считаете, угроза моей жизни реальна?

– Нет, Ирина Владимировна, я так не считаю. – Максимов стряхнул в форточку пепел и устроился поудобнее – лицезреть темный профиль клиентки. – Но хотелось бы рассмотреть все версии. Давайте исходить из неприятной: это не шутка. Есть одинстораживающий момент – упорство «шутника». Пошутить можно раз. Но звонить практически через день, игнорируя опасность, что тебя могут вычислить... Призадумайтесь, кому вы могли перейти дорогу?

Ирина плавно прошла поворот и вырулила на широкую вокзальную магистраль.

– Я теряюсь в догадках... Нет, серьезно, Константин Андреевич. Фирма «Бетаком» занимается информационной поддержкой малых городских предприятий. Установка программ, создание компьютерных сетей. На горло конкурентам не наступала, экономическим шпионажем не занимается... Это не тот жирный кусок, ради которого...

– Безусловно, Ирина Владимировна. Давайте оставим в покое вашу профессиональную деятельность. Наемные киллеры не звонят за неделю. Они, прошу прощения, приходят и убивают. Поэтому решительно отвергаем снайпера и тому подобные прелести эпохи. А то, с чем вы столкнулись, наводит на мысль о каком-то изощренном отмщении: дескать, вы помучайтесь с недельку, а я погляжу. И совсем необязателен, заметьте... м-м, летальный исход. Достаточно того, что вы натерпите. И вторая версия – вы столкнулись, прошу понять меня верно, с маньяком. Здесь сложнее.

– Вы пугаете меня, – невесело усмехнулась клиентка. – Разве встречаются маньяки в реальной жизни? А я по простоте душевной считала их выдумками режиссеров и сценаристов.

– Встречаются, – неохотно признал Максимов. – В нашей жизни бывает все. Про бердянского маньяка слышали? Или про нашего – пенсионера: убивал бомжих в районе облбольницы, отрезая на память пальцы рук?.. Но это все не то, не пугайтесь. Нет изыщества, знаете ли. Классического маньяка, с уважением относящегося к своим жертвам, надо хорошенько поискать. Остерегайтесь подделок, как говорится...

Они сидели в машине в тихом дворике напротив типовой девятиэтажки, и Максимов пытался выудить из Ирины хоть какую-то полезную информацию. Десять лет назад окончила факультет АСУ местного политеха. В девяносто восьмом оформила частное предпринимательство. Сошлась с удачливым компаньоном. Компаньон давно в Цюрихе, вилла под Лозанной, акции продал Ирине Владимировне. Оба довольны. Бизнес на подъеме. Детей нет. Замужем была лишь однажды – и уже разведена (адрес Вадима Кулагина прилагается). О любовных похождениях повествует как-то приглушенно, загадочно косясь на собеседника. Можно подумать, раньше его не замечала. Был один смазливый Шурик в октябре месяце – солидный коммерсант, приезжал втайне от жены, цветы дарил, чаще всего хризантемы, от которых ее тошнит, пару раз приглашал в ресторан «У Леопольда». Начали идеалом, завершили, как водится... одеялом. Больше жизни любил побарахтаться в койке – потенциал имел кипучий, а с женой не разгуляешься. Заглохло быстро. Испарился Шурик, как туман под солнцем, да и шут с ним. Вслед за Шуриком появился Алексей из налоговой полиции – обходительный паренёк с загадочным мерцанием в глазах; две недели вели беседы в спальне по льготному налогообложению и прорехах в одноименном законодательстве; расстались лучшими друзьями. Журналист Исаков из «Вечерки» – с этим типом вообще познакомилась сумбурно и рассталась без жалости – что с них взять, с этих нервных журналюг?

– А теперь – отвергнутые, – потребовал сыщик. – Очень важный момент, Ирина Владимировна. Если брать в расчет означенную версию, вы столкнулись с ненормальным. Месть и все такое... Повествуйте, не стесняйтесь. Представьте, что я ваш доктор.

С чувством юмора у клиентки все отлично. С основным инстинктом даже лучше: попросив прикурить, она подалась навстречу – тонкий локон пробежал по носу (он стоически перенес желание чихнуть). Сладкий запах парфюма раздражил ноздри. В подворотне пахло иначе – свежестью, горными цветами и сочными луговыми травами...

Впрочем, оба запаха ни в коей мере не относились к дешевым.

Отвергнутых соискателей оказалось немного. Однокурсник Борик, двенадцать лет влюбленный в Ирину страстной, безответной любовью, волочившийся хвостиком, а затем внезапно разбогатевший и взявший моду приезжать на двести тридцатом «Мерседесе». Выйдет, скажем, Ирина Владимировна утром на работу, а Борик тут как тут – она идет пешком на автостоянку, он тащится на «мерине» сбоку и гундит, гундит... Остепенился Борик три весны тому назад – решительно не приезжал с тех пор. Поначалу такое положение вещей сильно задевало Ирину Владимировну (привыкла как-то за двенадцать лет), а потом ничего, втянулась. Был еще следователь следственного управления прокуратуры – в доме напротив обретался, ежедневно с лоджии знаки внимания оказывал, даже бинокль приобрел, на что у Ирины Владимировны была отлаженная реакция – с поднятием руки и загибанием в кулак всех пальцев, кроме среднего. В прошлом году этот деятель съехал: прибыла машина, и трезвые грузчики таскали мебель. Видно, взятку ценную дали. А неделю назад хамоватый, неопрятный щеголь в плаще от «Гуччи» в элитном супермаркете привязался. Настоячиво приглашал в койку, предлагая сэкономить на скучных стадиях ухаживания. Насилу отвязалась от нахала, потом жалела – а стоило ли отказываться?..

Прокрутив информацию, Максимов задумался: и куда ее девать?

– Пойдемте, Ирина Владимировна, провожу вас до квартиры...

Скромная обитель коммерсантки располагалась на пятом этаже. Лифт не работал («Он и днем-то не в охотку», – нервно хихикнула клиентка). Поднимались пешком, на ощупь, исследуя повороты и затыкая носы около безжалостно воняющих крышек мусоропровода. Воспоминания о бывших возлюбленных не лучшим образом действовали на Ирину – сладкий запах духов окончательно въелся в нос, она пыталась прижаться к сыщику и исправно спотыкалась, вынуждая хвататься за выступающие фрагменты не по-детски заводящего тела...

Квартира, как и ожидалось, типовая. Отдельная комната («тещина»), две смежные. Лоджия, балкон, отдельный санузел. Техника импортная, от ведущих производителей, обои под гранит, мягкая мебель, чистенько. На кухне двойные стеклопакеты, в остальных помещениях – деревяшки. Комнатных растений нет в помине, за исключением искусственной розы на тумбочке в прихожей. Нет у дамы тяги к зелени и хлорофиллу – это случается. С молчаливого разрешения хозяйки он придирчиво осмотрел ниши, антресоли, шкафы для одежды. Выглянул на лоджию, балкон, обозрел окрестности. Стало смешно.

– Ложитесь спать, Ирина Владимировна. У вас надежный засов. Запритесь, и никто вашу дверь не взломает. Открывайте только мне. Ни друзьям, ни родным – никому. Тем более незнакомым. Впрочем, женщина вы умная, сообразите. Утром наберете мой номер, я приду.

Женщина нерешительно мялась в прихожей, кусая губы. Неуютно ей было в уютной квартире. И Максиму неуютно. Домой хотелось, спать. До чего нелепая ситуация! Он чувствовал, что краснеет. Женщина подошла вплотную. Он немало повидал особ, заводящихся в экстремальной ситуации, когда опасность заставляет бурлить гормоны. Ирина Владимировна исключением не стала.

– Вам не нравится, что можно быть смешным, Константин Андреевич? – произнесла она вкрадчиво. – Мне тоже не нравится. Но я боюсь, как вы не понимаете? – Она потянулась к висящей на крючке связке из двух ключей. – Возьмите ключики, Константин Андреевич, это запасные, может, пригодятся...

Он взял, отметив машинально, что проку от ключей при запертом засове маловато.

– У вас имеется еще один дубликат?

– Нет, не имеется... – Ее дыхание обжигало. Это вождение пополам со страхом – убойная пороховая смесь...

– Спокойной ночи, Ирина Владимировна. – Он сглотнул и заставил себя отстраниться.

– Вы можете остаться, Константин Андреевич... – Мягкая ладошка прикоснулась к щеке, поползла на шею, скользнула к верхней пуговице. Она дрожала.

Отступать достойно уже не получалось. Он отодвинулся к двери, как-то судорожно трясая головой. Трудно объяснить возбужденной женщине, что ты хочешь, можешь, с удовольствием швырнул бы ее в койку... но остатки совести не позволяют.

– Вы чего-то боитесь? – разочарованно прошептала женщина.

– Боюсь, Ирина Владимировна, – попробовал он отшутиться. – В детстве паровоза боялся, в зрелости – женщин в полумраке прихожих... Очень рад бы, Ирина Владимировна, но, извините, не могу. Я уже наблюдался сегодня в чужой постели. Из нее, собственно, и к вам. Пригласите меня, пожалуйста, послезавтра, когда проблемы утрясются, договорились?..

Он не мог уйти просто так, чувствовал – совершает ошибку, но куда уж тут вникать в ее природу? Забрался на ребячьей площадке в паровозик (таких он в детстве не боялся) и принялся безжалостно опустошать сигаретную пачку, наблюдая за ночными посетителями дома.

На лампочках над подъездами местный ЖЭК экономил – все равно побьют, а не побьют, так выкрутят. Двор в районе полуночи погрузился в тишину. Гасли окна. Последним в наблюдаемом подъезде погасло кухонное – на первом этаже. Входная дверь стала серой. Холодало. В ноль часов семь минут соседний двор огласил хохот загулявшей компании. Неясные тени

проплыли по пустырю и пропали. По прошествии четверти часа зашуршало по подъездной дорожке. Максимов напрягся. Человек до подъезда не дошел – свернул в соседний. Приглушенный мужской кашель, скрежет петель. Через несколько минут по этой же аллейке, но с другой стороны, зацокали каблучки – женщина спешила. Но и данную особу подъезд клиентки не привлек, проследовала мимо и свернула за мужчиной – в соседний. Невнятное пятно и тот же скрип...

Нагулялся Максимов предостаточно. Будет спать как убитый. Подавив зевоту, он выбрался из паровозика и размашистым шагом направился к вокзалу – ловить первое подвернувшееся такси.

3

– Ты не посеял в ее квартире семена разврата? – искренне изумлялась наутро Екатерина. – Тяжкая болезнь, Константин Андреевич. Я понимаю, можно быть правильным на словах – и всячески поощряю эту инициативу, – но на деле!.. Берегись, так можно совсем от жизни оторваться. Задумался о чем-то, нет?

– Думаю, – огрызнулся Максимов, – можно ли женщин посылать в космос?

– А зачем? – не сообразила Екатерина.

– Гы-гы, – заржал Вернер. – Это довольно далеко и вполне прилично. Отстань от него, Екатерина. Видишь, батяка волнуется.

– Константин Андреевич, а вы еще раз позвоните, – подал дельный совет Олежка. – Может, вышла куда?

Повод для волнения был достойный. Ни домашний, ни сотовый телефоны Ирины Кулагиной не отзывались. По городскому номеру – длинные гудки, по мобильному – «Абонент отключил телефон»...

– Вспомнила, – хлопнула себя по лбу Екатерина. – Был подобный прецедент в местной криминальной практике. Лет уж восемь тому. Некто Черемуха – задвинутый на язвах современного общества, страстный и положительный борец с безнравственностью – узрел во сне Господа в белых одеждах и лично из высоких уст принял установку: дави шлюх! Парень был простой как рубль, года три в психушке отсидел, понабрался от мыслителей... Сунул нож под мышку, удавку в карман и отправился на божий промысел. Подцепил хорошенькую шлюшку, заволок в подвал, привязал к трубе и объявил, что на третью ночь она умрет. А пока это радостное событие не свершилось, заставлял ее читать нараспев молитвы, а когда она сбивалась или плакала, лупил палкой... Взяли «сверхсущество» на вторую ночь, когда крики из подвала уже невозможно было игнорировать. Отправили товарища обратно в психушку – с подобными общаться о загнивающем обществе. А девчонка подлечилась – и бегом на родную панель...

– Проследить жизнеописание психа? – насторожился Лохматов.

– Можно, – пожал плечами Максимов. – За восемь лет какого только дерьма не утекло. Но непохожа наша Ирина Владимировна на женщину соответствующего поведения – вот в чем закавыка... Она могла ею стать, не случись в жизни технического образования и удачно подвернувшегося бизнеса, но ведь не стала?

– А ты уверен, что не посеял в ее квартире семян разврата? – оживилась Екатерина. – Вспомни, Костик, может, хоть одно маленькое зернышко?

– Ну разве только маленькое, – задумался Максимов.

Телефон запищал как голодный галчонок. Все посмотрели друг на друга. Вернер спохватился, проглотил созревшую остроту, схватил сотовый и принялся слушать. По мере впитывания информации глаза у Вернера делались большими, детскими, улыбка – самодовольной, а к завершению разговора расплылась до ушей.

– Мерси, Элен, – порывисто поблагодарил Вернер, – ты величайший гений эпохи.

– Как странно, – пробормотал Лохматов. – Я считал, что в мире есть один величайший гений эпохи – Джордж Буш-младший.

– Даже не знаю, с чего начать, – волнуясь, возвестил Вернер. – Словом, это все о нем, Константин Андреевич. О муже супруги гражданина Шатрова.

– А это кто? – не сообразил Олежка.

– Гражданин Шатров, – догадалась Екатерина, – муж гражданки Шатровой и объект, за коим лучезарная Элен с подачи Вернера продолжала рулить.

– Везучая девушка! – воскликнул Вернер. – Сегодня в семь утра Шатров, как обычно, вышел из дома, но отправился не на работу, а совсем в другую сторону. Заинтригованная Элен

поволоклась за ним и, к величайшему изумлению, оказалась на железнодорожном вокзале, где Шатров встречал омский поезд! Семнадцатый вагон, прибывший в Омск из Петербурга и прицепленный к местному фирменному составу! Из вагона прямо в его дрожащие объятия выпала хорошенькая девчушка, и они сплелись в порыве слепой, безудержной страсти! Элен там чуть не кончила.

Екатерина в восторге захлопала в ладоши. Лохматов засвистел.

– Так вот оно что! – вскричал озаренный Максимов. – Гражданка Шатрова оказалась на сто рядов права! А супруга мы не застукали по одной простой причине – его пассия была в отъезде!

– Как я рада, как я рад! – фальшиво запел Олежка.

– ...Томился, болтался по барам в одиночестве, декадентствовал, отгонял шлюх... Как это правильно! Типичное поведение влюбленного человека!

– В общем, Элен к обеду отпечатает фотки, – потирал руки Вернер. – Вызываем эту стерву – пусть подавится своими доказательствами. И гони ее прочь, Константин Андреевич, чтобы духу этой карги больше не было!

– Жалко, – засомневался Максимов. – Не хотелось бы гадить Шатрову. Ведь нашла же что-то девчушка в этом малахольном заморыше.

– А за что его супруга нам деньги заплатила? – развеселилась Екатерина. – Не за ту ли работу, Костик, которую ты обязан выполнять?

– Это действие во благо Шатрова, – начал пылко убеждать Вернер. – Устроит мужу взбучку, проснется в нем гордость, а также боль за бесцельно прожитые годы, побежит разводиться, а попутно женится на своей девчонке – и умрет с ней счастливо в один день.

– Здорово! – воскликнула Екатерина. – Костик, как насчет досрочного озеленения в связи с радостным событием?

– Перебьешься, – сразу насупился Максимов. – Официальная зарплата через три дня.

– А неофициальная?

– А на неофициальную наработала одна Элен.

Всеобщее возбуждение, однако, не уняло тревогу. Телефоны Ирины Владимировны продолжали молчать. В фирме «Бетаком» раздраженно лаяли в трубку, что Ирина Владимировна сегодня на работе не появлялась, в связи с чем назревает крупный российско-шведский скандал.

– Собирайся, Вернер, – принял решение Максимов, – поедem к Кулагиной. Не нравится мне ее продолжительное молчание.

...За стальной, вычурно декорированной дверью было тихо. Три звонка – достаточно, чтобы проснуться. Максимов позвонил соседям. Тишина. Трудятся люди. Вопросительно глянул на Вернера. Тот пожал плечами. Он вообще делал вид, что его здесь нет.

– Не ко мне, Константин Андреевич. Ты сам меня сюда привез. Если хочешь, взламывай. А не хочешь, кликай ментов.

Максимов медленно выудил из кармана ключики. Задумчиво подбросил на ладошке. Два замка. Длинный, стальной, – от верхнего. Фигурный, латунный, – от нижнего.

– Ну ты даешь, – присвистнул Вернер. – А какого мы тут корчим из себя погорельцев?

– Засов с обратной стороны, – пояснил Максимов. – Клиентка получила строгий наказ запереться. Не думаю, что она экстремалка.

– А зачем достал? – логично поинтересовался Вернер.

– Машинально.

– Ну так и вставь машинально! Длинный – вверх, короткий – вниз...

– Знаю. – Непроизвольно наострили уши. Спокойно в подъезде. Этажом ниже собака у кого-то скулит. Не в диковинку проникать в чужие квартиры, но каждый раз неприятный озноб по коже. Статью никто не отменял, а доказывать, что ты не вор, – занятие ужасно смешное.

Верхний ключ со скрипом провернулся. Со вторым пришлось повозиться – тугая посадка и вращение против логики. Дверь открылась.

– Во как, – ухмыльнулся Вернер.

– Не к добру, – напрягся Максимов. Лоб внезапно взопрел. Впечатления абсолютной дуры Ирина Владимировна не производила. – Пошли, Вернер.

Визуально обстановка оставалась той же. На кухне порядок, сотовый на столе заряжается, стиралка знаменитой марки (сделано с трудом), в ванной и уборной стерильно. «Тещина» комната практически нежилая – голые стены и палас. Далее смежные. В первой – никого, мягкая мебель насыщенной раскраски, телевизор, лоджия. Во второй – балкон, выходящий на обратную сторону дома, нежно-опаловые обои, кровать. На кровати Ирина Владимировна в огорчительно неживом виде...

– Как и было обещано, – вздохнул Вернер. – Прокололся, Константин Андреевич, не уберег бабу.

Максимов сжал зубы. Прокололся, как последний дилетант... Он вошел в спальню на носках, сделав знак сотруднику не шевелиться. Ирина Владимировна, совершенно обнаженная (есть такие дамы, не любят ночные сорочки), лежала на скомканной простыне. Позвоночник выгнут, руки разбросаны. Одеядло свисало на пол, подушка в углу. Шею жертвы, будто ошейник, окольцовывал круговой след от удавки. Лицо искажено, глаза навывкат. В мутноватых зрачках – страх перед незаслуженной смертью. Похоже, в процессе удушения она усердно молотила ногами – простыня задралась до середины. Красивая женщина. Вот только жаль, что Максимов небольшой ценитель обнаженной мертвой красоты.

– Сгинь в прихожую и звони ментам, – приказал Вернеру.

– Не нравится мне это дело, командир...

– А я в восторге, – огрызнулся Максимов. – Звони, Шурик, не ломайся, авось выкрутимся.

В отсутствие Вернера он еще раз прошелся по квартире – словно кот, метящий углы. Осмотрел окна, балкон с лоджией. Интересно, самый элементарный способ убийства он прощляпил. Не верилось, что это всерьез. Поставил бы простейший заслон. Или сам посидел в засаде – не облез бы за ночь.

Когда в квартиру, топая, как стадо бизонов, вторглась милиция, Вернер с Максимовым сиротливо мялись на коврик в прихожей. Трое в форме, трое без – один эксперт при чемоданчике, он же фотограф, другой – штатный медик, третий – невысокий, подтянутый, сорокалетний, со шрамом около глаза. Не рассусоливая, взялись за дело – оборотисто и жестко.

– Капитан Корнеев, – хмуро представился крепыш, – начальник криминальной милиции Железнодорожного района. Документики, однако.

– Вы лично выезжаете на происшествия? – недоверчиво спросил Максимов, вручая бумаги.

– Эта дама была у меня, – хмуро бросил Корнеев, вчитываясь в лицензию. – Частный сыск? Ребята, вы никак отчаянные парни – подставляться под трупы!

– Агентство «Профиль», – приветливо пояснил Максимов. – Та самая частная лавочка, куда вы отфутболили Кулагину, отказав ей в защите и содействии.

Эту фразу он мог бы подержать за зубами. Характер у Корнеева был явно не монашеский. Капитан вспыхнул. Колючие глазки вгрызлись в Максимова.

– Вам придется объяснить, господа хорошие, почему вы оказались в квартире убитой. А главное – как оказались.

– Перестаньте, капитан, – поморщился Максимов. – Почему мы оказались, вы и сами сообразите. Как оказались – еще проще: Ирина Владимировна дала нам ключи. Но едва ли мы смогли бы воспользоваться ключами, соберись убить гражданку Кулагину. Осмотрите входную

дверь и обратите внимание на тяжелый засов. А теперь заберитесь в шкуру запуганного, съедаемого кошмарами человека и угадайте с трех раз: запрется ли он на засов?

– Если нет, – поддакнул Вернер, – то наш запуганный человечек – большой оригинал.

Криминалисты, в отличие от Корнеева, свою работу знали. По утверждению медика, смерть наступила около семи часов назад – ориентировочно в четыре утра. Этот неоспоримый факт и спас приунывших сыщиков от немедленной расправы. Им позволили шататься по квартире – не заходя, впрочем, в спальню и держась подальше от входа.

Вихрастый парнишка с сержантскими лычками сторожил «покойницкую». Украдкой поглядывал на обнаженное тело. Поймав насмешливый взгляд Вернера, густо покраснел.

Штатный медик предположил, что сексуального насилия не было. Экспертиза, конечно, поработает, но он и так уверен. Перелом подъязычной кости; причина смерти – механическая асфиксия. Даму просто задушили – подкрались к спящей, набросили удавку. Предположительно тонкий капроновый шнур. А может, нейлоновый, в обиходе – леска. Но смерть пришла не сразу. Состояние тела и кровати... В общем, потерпевшая долго сопротивлялась. Но совсем не потому, что убийца в детстве мало каши ел. Не нужно иметь накачанные мышцы, чтобы стиснуть нежное женское горлышко. Имеется мнение, что убийца развлекался. Выбрал безопасную позу в голове жертвы – то усиливал зажим, то ослаблял. Но не так, чтобы дать несчастной вырваться. Она колотила ногами, извивалась, пытаясь дотянуться до убийцы, а он куражился – убивал ее медленно, со вкусом. Словно намеренно давал Ирине время проникнуться, осознать неминуемость гибели. Может быть, произносил при этом какие-то слова, обосновывал свои действия...

– Нужно проверить, не пропали ли из квартиры ценные вещи, – угрюмо соригинальничал Корнеев.

– А как вы проверите, капитан? – удивился Максимов. – Жила одна, спросить не у кого. Не утруждайтесь. Можете не верить, но ограбление не проходит. В квартире порядок. Я был здесь вечером. Убийца, конечно, мог забрать что-то ценное – но уверяю вас, убийство не ради ограбления. Оно *должно* было состояться. Задумка такая у таинственного инкогнито.

– Вы утверждаете, что убийца в дверь не входил, – проворчал Корнеев. – А как, по-вашему, он изволил появиться?

– Ну, во-первых, я не поручусь со всей уверенностью, – пожал плечами Максимов. – Теоретически потерпевшая могла сама открыть дверь. Например, услышала знакомый голос. Или просто забыла, что ее должны убить. Но практически... сами понимаете. Во-вторых, давайте рассуждать здраво, капитан. Мы вошли в эту квартиру с Ириной Владимировной незадолго до полуночи. В квартире никого не было – я проверил. На балконе с лоджией – аналогично. По моему убедительному настоянию Ирина Владимировна заперлась на замки и засовы и легла спать. Не смотрите с ухмылкой, капитан, – секса не было. Ни насильного, ни любовного. Экспертиза покажет. Спуститься с крыши на балкон или лоджию убийца не мог – осталась бы веревка. Спустился, а затем по ней же поднялся? Но зачем? Проще покинуть квартиру через дверь. Сообщник с крыши поднял веревку? Не думаю, что были сообщники. Ваше дело проверять, капитан, но я почти уверен – работал одиночка. С земли подняться нельзя: пятый этаж. А ловких ниндзя, карабкающихся по стенам, мы рассматривать не будем. Остается единственный приемлемый путь – через лоджию соседей. Эти лоджии смежные, хотя и расположены в разных подъездах. Перелез, и все дела. И только с лоджии, заметьте. На балконе этот номер не пройдет. Там соседние балконы не смыкаются – между ними пропасть – а сверху балкона нет. Убийца перелез с соседской лоджии, припасенным инструментом оторвал шпатель на раме – это несложно, всего лишь хлипкая рейка на разболтанных гвоздях. А спешить абсолютно некуда, и шум поднять не боялся – спальня одинокой женщины в другой комнате. Аккуратно выставил стекло, забрался в квартиру, сделал черное дело... По окончании процедуры вернул стекло на

место, отодвинул засов на двери и спокойно вышел. А покидая место злодеяния, запер замки. Ключи лежали в прихожей на тумбочке – мне Ирина Владимировна дала запасные.

– То есть ключи он унес с собой? – задумался Корнеев.

– А разве это трудно? Но далеко не унес, не сомневайтесь. Мусорка под боком. Или кусты. Зачем держать при себе многозначительную улику?

– Считаете, их можно найти?

– Капитан, вы тянете резину. Ключи не убегут. Давно пора отправить молодцев в соседний подъезд. Доставить всех живущих за стеной в отделение и трясти как грушу. Ждем пришествия, капитан?

Последнее высказывание не добавило бонусов в актив агентства. Молодцы удалились, но дружелюбия Максимов не почувствовал. Криминалист скептически осмотрел окно, увлекся, приподнял шпатель и вынужден был признать, что господин частная ищейка, возможно, прав – рейку недавно отдирали. Но отпечатков пальцев в данном ареале нет. Преступник не дурак оставлять отпечатки. Капитан Корнеев раздраженно фыркнул и махнул рукой: работайте. Вскоре прибыли молодцы, командированные в соседний подъезд. Безнадёжно, развел руками сержант. К двери не подходят, – возможно, нет никого. Сносить железку, к чертовой матери, – оснований не набирается. Да и прочная она, подлюка. Позвонили соседям – там бабка глухая, дальше носа не слышит, ей соседи по барабану, кроме верхних, которые постоянно бабку топят. Так что забирать на казенные харчи вроде некого.

– Хорошо, разберемся, – вынес вердикт Корнеев. – Сушков, вызывай труповозку. А вас, господа хорошие, – вперился в тоскующих сыщиков, – милости просим в управление. За выяснением, так сказать, пикантных подробностей.

С этим предстояло смириться. Раз попался – терпи. По своей воле от милиции невиновные граждане не убегают – это суровая проза жизни. Впрочем, Вернера долго не мурыжили. Переписали исходные данные и отпустили с богом – куда он денется? «Держись, командир, я с тобой», – пробормотал Вернер, шустро покидая районку.

Максимова терзали еще три часа. Заняться капитану в своих пенатах было нечем – трепал нервы лично. Благо хоть не били и в браслеты не заделали. Максимов терпеливо во всех подробностях описывал дело (почти не заывая), а капитан, потягивая что-то кисло-молочное, чинил крючкотворство – записывал «признательные» показания. За собой вины он определенно не чувствовал – откуда ей взяться, вине? Если к каждой гражданке, получающей угрозы, приставлять милиционера – милиционеров не хватит, обнажится передовая и общество захлестнет волна преступности. Впрочем, надо отдать ему должное – вину в случившемся агентства «Профиль» и лично Максимова капитан Корнеев рассматривал лишь гипотетически: мол, пока живите, но, если что, вернемся. Однако пристрастие к Максиму испытывал нешуточное – откуда бы такое занудство? Данное положение вещей начинало тревожить – почему все не так? Корнеев явно присматривался к сыщику, лелея козырный интерес. Но разбойника с большой дороги старался не изображать. Разрешил курить, а когда подошло время обеда, расщедрился на бокал с чаем. Бледную жидкость, отдаленно напоминающую всемирно известный напиток, Максимов осилил, но от предложенных крекеров отказался наотрез – не любил он крекеры.

– Послушайте, капитан, – не выдержал сыщик, когда Корнеев попросил повторить уже описанную и разжеванную историю, – я сам когда-то работал в милиции... но давайте будем честными – работать вы не любите и не хотите. Сделать жупел для приличных граждан – легко. Пугать детишек – еще проще. Не ругайтесь, капитан. У меня соседи, молодая семья, замучились со своим пятилетним чадом. Безобразничает на каждом метре. То цветы подергает, то лужу на паласе сделает, то коту усы отрежет. Совсем доконал родителей. А лупить душа не позволяет – интеллигентная у них душа. Чего только не делали, даже милиционером пугали – вот придет злой дяденька в погонах, тогда узнаешь. А пацан смеется, хоть бы хны. Перепол-

нилась чаша маминого терпения: спустилась на улицу, отыскала постового, сунула ему двести рублей: помогите, мол, поднимитесь в квартиру... И что вы думаете, капитан? Помог. Правда, бедный малыш теперь икотой страдает пополам с заиканием, а у молодой семьи пожизненная идиосинкразия на милицию...

– Послушайте, Максимов, – перебил Корнеев, – вам никогда не предсказывали, чем вы закончите? Хотите, напроорочу?

– Да мне плевать на ваши пророчества, капитан, – вспыхнул Максимов. – Зла на вас не хватает. Дается конкретная улика – преступник явился через лоджию. Трясите соседей, работайте, время уходит...

Ударная волна не успела сразить – явился похожий на кота Базилио оперативник с докладом.

– Полная фигня, товарищ капитан. Потерпевшая проживала в сто двадцать шестой квартире. За стенкой – девяносто первая. У них действительно общая лоджия. Через загородку можно перелезть – если высоты не боишься. Прописаны в девяносто первой муж и жена Плитченко. На данный момент трудятся по контракту в Германии... городок какой-то мелкий в Баварии, названия не помню. Квартира сдана внаем через агентство «Жилгарант» – «чисто-плотной» таджикской семье, которая жила в ней не больше полугода. Глава семьи получил на рынке по голове, семья в экстренном порядке покинула город, следы потеряны, а жилплощадь вроде как пустует, хотя формально сдана и по сентябрь оплачена. В общем, темный лес, товарищ капитан. Соседи по площадке допрошены, но после таджиков никого подозрительного не замечали. Ключи от квартиры последние жильцы в агентство не сдавали. Могли утерять, могли снять копии – долго ли заказать? А может, и вообще, полночный бред, товарищ капитан. – Оперативник покосился на зевающего Максимова. – На замках следы вскрытия отмычкой отсутствуют – если открывали, то только ключами.

– Понятно, – угрюмо кивнул Корнеев. – Ступай работай.

Мучения продолжались. До конца рабочего дня оставалось время. Корнеев умирился. Сунув руку куда-то под стол, извлек хрустальную стопку, коньячную бутылку, плеснул на две трети, глянул на Максимова, поморщился. Какие-никакие, а русские люди. Извлек вторую стопку, нацедил половину, подумав, добавил себе, драгоценному, и выхлебал в два глотка. Небрежным жестом предложил Максиму – давай. Возвращенный на приличном поиле, Максимов осторожно выпил. Нет, ничего – коньяк в своих загашниках начальник криминальной милиции держал терпимый.

– Можно идти? – осторожно спросил Максимов. – Или в камеру?

Корнеев покосился на часы.

– Товарищ капитан, прибыл муж потерпевшей, – сунулся в дверь сержант, – Вадим Кулагин, насилиу отыскали. Настаивает на встрече с вами. Впустить? Или снять показания?

– Впусти, – снисходительно разрешил Корнеев. – А вы, Максимов, пока свободны. Подписку о невыезде брать не будем, но, сами понимаете, из города лучше ни ногой.

По лицу вошедшего было заметно, что с капитаном Корнеевым он знаком. А это уже занятно. Бывший муж убиенной и капитан милиции, отфутболивший убиенную к частным сыщикам, – приятели? Вошедший явно не состоял в гармонии с окружающим миром. Сутулый, взъерошенный очкарик в кожаной жилетке и нестираных джинсах. Пугливо покосился на Максимова, с надеждой – на капитана. Не сказать что потрясен гибелью экс-супруги, но расстроен здорово.

Хорошо бы пообщаться с этим типом, поселилась в голове неудачная мысль. На улице он прогнал ее прочь. Дело окончено, не успев начаться. Свою миссию агентство «Профиль» с позором выполнило. Влезать в расследование убийства не только хлопотно, но и опасно. Агентство не занимается уголовными делами, тем более бесплатно. Для этого существует милиция. А удел Максимова – искать пропавших болонок и блондинок.

О том и сообщил коллегам по прибытии на место службы.

– Дружно выбросили из головы, друзья. Ничего не было – коллективная галлюцинация. Прокол с Ириной Владимировной – мой личный прокол и мои же угрызения совести. На ошибках мучаются. Ну все – можете идти. Утром с нетерпением жду. Будем вызывать гражданку Шатрову.

– Не казись, Костик, – пожалела начальника Екатерина, – ты не виновен в ее смерти. Просто обстоятельства так криво сложились.

– Не вмастила судьба-злодейка, – поддакнул нехарактерно тихий Вернер.

– И будьте осторожны, Константин Андреевич, – тоном чревовещателя предостерег Олежка, – людям свойственно наступать на те же грабли. Думают, что наступают на другие, а как присмотрятся – те же...

4

– Ты поставил очень трудную задачу, папа, – жалобно заявила Маринка, выгружая из духовки надоевшую пищу. – Я опять начинаю пропускать уроки и получать двойки. В авто-салоне «Рено» все приличное начинается с шестнадцати тысяч – причем в евро; на «Тойоте» сегодня субботник, на «Опеле» – ревизия, на «Хонде» – налоговая. Вариант с «Окой» рассматривать не будем, ты явно погорячился. Мини-«БМВ» всем хорош, но опять производитель отозвал тридцать тысяч машин: не контактит стояночный тормоз. У «Феррари» не в порядке масляные шланги, у «Крайслера» спинки сидений сами отбрасываются, у «Вольво» кресла самовозгораются, потому что электропечи замыкает... Задолбали эти буржуи. Я прямо в растерянности, папахен.

Максимов печально улыбался. Чем бы дитя ни тешилось...

– Хорошо, Мариша, давай поднимем планку еще на две тысячи. Напряжемся как-нибудь, пояса затянем.

– Это здорово, пап, – обрадовалась дочь. – За семнадцать «тонн» мы себе такую тачку забубучим... Жуй быстрее, дуй к своей тете Маше, а я по Интернету поброжу...

Какая-то мистическая подворотня между проспектом и Машинным домом! Он вошел в нее, как в облако тумана, повинаясь гласу интуиции: сейчас что-то будет! – предполагал, видимо, таинственную незнакомку, окутанную ароматом цветов и альпийских трав и страдающую обостренным интересом к частным сыщикам. И не прогадал. Но ошибся. Инцидент случился иного рода. Первым делом он услышал цокот каблучков – убыстренный, отчаянный. Женщина вбежала в полутемную арку с противоположного конца, сделала несколько шагов, споткнулась.

– Отстаньте от меня!

Гулкое эхо побежало по стенам. Топот мужских ботинок. Короткий крик, оборвавшийся на высокой ноте. Возня, удар чего-то мягкого о стену.

– Молчи, сука...

Максимов в темпе преодолел две трети тоннеля. У стены расплывчато копошились тени. Два ночных проходимца отбирали у невысокой женщины сумочку. Прижатая к стене, она умудрялась крепко держаться за ремешок, молотила свободным кулачком по воздуху и попискивала. Одному ублюдку удалось схватить ее за руку, вывернуть – дама вскрикнула; другой выдернул сумку. Замок раскрылся – содержимое со звоном посыпалось на брусчатку.

– Стоять, милиция! – рявкнул Максимов.

– Колька, атас! – Кучка распалась – две тени шарахнулись в стороны, разлетелись кто куда. Первый ушел – рванул в проходной двор. Второго он перехватил – метнулся наперерез, двинул кулачищем. Ублюдка завертело по спирали и впечатало в сырую стеночку.

– Ах ты падла... – выдохнул грабитель, проявляя незаурядную прыть и уходя Максимову под локоть. Рукав затрещал, но хулиган вырвался, рванул со всех ног. Максимов машинально сделал скачок, запнулся о брошенный ридикюль и грохнулся всеми своими семьдесятю пятью килограммами живой массы...

Душевно приложился, ощутимо. Когда поднялся, отплевываясь, тех двоих уж и след простыл. Женщина сидела, по-прежнему вжимаясь в стеночку – даром что обрела свободу.

– Вы в порядке?

– В полном... – простонала женщина. – Послушайте, вы правда из милиции?

– А это тайна великая есть, – загадочно ответил Максимов, отряхивая колени. – Давайте руку, поднимайтесь. Не сидеть же вам тут всю ночь.

– А... уже можно?

– Нужно, – усмехнулся Максимов. – Полагаю, на сегодняшнюю ночь для вас приключения закончены. Приходите завтра, желательно в одиночестве – приключения продолжатся.

– Господи, вы шутите, – сообразила дама, протягивая руку. Ладонь у нее была мягкой, но упругой. Легко поднялась, одернула платице. – Спасибо вам, – опустила на корточки и принялась на ощупь собирать ценнейшие в женском обиходе вещи.

– Где они на вас напали? – Максимов присел рядом, чтобы не маячить истуканом.

– В соседнем дворе, – охотно поделилась барышня. Голос уже не дрожал. – По-моему, они шли за мной, поджидая удобный момент. А я и не сообразила...

– Хотя и могли.

– Могла. Но... Шампанского сегодня выпила – три бокала – голова поплыла... Я в фирме «Витапласт» работаю, за Западным вокзалом. Корпоративная пьянка – три года с момента основания фирмы. К полуночи будут развозить загулявших по домам, а мне уже хватило, от шампанского дурно стало... Пошла пешком – а там, на Западном, как назло, ни одного такси, ну я и подумала – дворами пробегусь, а на Котовского чего-нибудь поймаю. Вот и поймала.

– Еще не поздно, кстати, – напомнил Максимов. – Пойдемте, я провожу вас. Вы все собрали?

– Кажется, все... о господи... Я возьму вас под руку? Мне так спокойнее.

На Котовского горел единственный фонарь. Туда он и повел свое новое приобретение. Ценное, надо признать, приобретение. Фигуристая, стройная, под тридцать. Большие глаза с серебринками. Поверх платья – ветровка по сезону. На голове, правда, бог весть что.

– Не пугайтесь, – засмеялась женщина. – Совсем недавно это была модная концептуальная прическа. Больших денег стоила. Послушайте, – она всмотрелась в лицо Максимова, – а что-то непохожи вы на работника милиции... Меня, кстати, Оксаной зовут.

– А меня, кстати, Костей. – Максимов поднял руку – показались лучи фар. Судя по лязгу и натруженному кашлю, приближалось пожилое отечественное корыто. – Далеко живете, Оксана?

– На Студенческой... Послушайте, Костя, а вы действительно считаете, что на этом рыдване я с комфортом доеду? – Она пристально смотрела на спасителя, и, похоже, ей не хотелось никуда уезжать.

– Убежден, Оксана. – Ночное «такси» закрипело тормозами. – Более безопасного транспорта в темное время не придумать. Десять минут позора – и вы дома. Шеф, – распахнул он дверцу, – даму доставь до Студенческой.

– А нехай залазит, – добродушно прогудело нутро.

– Но без глупостей, отец. Я запомню номер.

– А запоминай, – засмеялся водитель. – Я из глупостей, парень, почитай, лет как двадцать вышел. Разве что по выходным, со старухой...

– Спасибо вам, Костя, – пробормотала женщина, неохотно отпуская локоть.

– Счастливо добраться, Оксана. И пореже ходите подворотнями. Их трудно назвать короткой дорогой.

Он проводил глазами громыхающее недоразумение. Пожал плечами и принялся вспоминать, куда направлялся. А направлялся он в принципе к Маше.

На настольном календаре красовалось пятое мая. Максимов задумчиво оторвал листок, скомкал, бросил в корзину. Получилось шестое, четверг.

Недавно пообедали. Всем составом, поручив Любочке хлопать мух, добрались до итальянской пиццерии, где и заказали блюдо – одно на всех, но необъятное. Мнение Максимова, облопавшегося пиццы на две жизни вперед и воспринимавшего ее как дембель перловку, в расчет не брали. Он начальник в офисе, а не в кафе.

Двумя часами ранее пышнотелой гражданке Шатровой были торжественно вручены документальные подтверждения неверности супруга, добытые Элен на вокзале. Не поймешь этих женщин. То орет как ненормальная, обвиняя сыщиков в некомпетентности и категорически отказываясь признавать мужа лояльным и любящим. То разражается горячими слезами и причитает, что она не верила до последней минуты и даже сейчас не верит («Что вы мне подсовываете фотомонтаж? Это не мой муж, вы приделали кому-то голову моего мужа! Думаете, я проглочу?!»).

Но это было давно. После обеда ситуация совсем иная. Напротив Максимова сидела посетительница. Ее снедал страх. Он тоже испытывал дискомфорт и больше всего на свете мечтал провалиться куда-нибудь в канализацию. И не всплывать, пока она не уйдет. Звали посетительницу Алисой Верницкой. Хрупкое создание слегка за двадцать. Личико бледное, выразительное. Остренький носик, скулы. Не сказать что очень симпатичная, скорее на любителя (редкого), но определенная изюминка в наличии имела.

За ее спиной яростно жестикулировала Екатерина. Делала страшные глаза и пилила горло ребром ладони. Вернер крутил пальцем у виска, беззвучно ругался и временами хватался за голову, раскачиваясь, будто маятник. В проеме мерцал изумленный Лохматов – цеплял начальника испуганными глазами и протестуяше мотал шевелюрой. «Те же грабли, Константин Андреевич, те же грабли...» – шептал беззвучно.

– Он позвонил в субботу, первого мая... – запинаясь, говорила Алиса. – Вы знаете, я сразу до смерти перепугалась, я такая впечатлительная... Побежала в милицию – в свою, районную...

– А в каком районе вы, простите?..

– В Заельцовском.

– Продолжайте.

– Но это было в праздник, там никого не оказалось. Дежурный сделал вид, что выслушал, посмеялся и выставил меня на улицу. Посоветовал зайти через день... если не передумаю. Я посидела в кафе, немного успокоилась. Два дня ничего не происходило. А четвертого вечером... он опять позвонил и сказал, что четыре дня осталось... Я всю ночь не спала, редела, утром опять понеслась в милицию, но они же там такие деревянные... – Бледное существо изобразило на глазике слезинку, смахнуло, а полившийся далее ручей было просто бессмысленно смахивать.

– Совсем деревянные? – для порядка уточнил Максимов.

– По пояс, – подсказал Вернер.

– Меня направили к какому-то следователю, – изливалась Алиса, – он оказался похмельный в три ряда, сперва хихикал, а потом давай орать, что его отвлекают от работы...

Взаимодействие между районными управлениями явно не прослеживалось. Утром пятого числа Ирина Кулагина была мертва уже более суток. Знай трудяги, что произошло у соседей прошлым днем, – даже похмельный следователь должен был совершить какое-то телодвижение.

– А вот плакать, девушка, нехорошо, – укоризненно заметила Екатерина. – Поплакать вы могли и дома.

– А я и дома плакала, – всхлипнула Алиса.

– Интересный момент, Константин Андреевич, – произнес с порога Лохматов, – не успевает он завершить с первой... м-м, клиенткой, а параллельно уже начинает разрабатывать следующую. Нетерпеливый какой-то экземпляр.

Алиса испуганно обернулась. Вернер с Екатериной мигом перестали гримасничать и молитвенно уставились в потолок.

– Подождите... – потрясенно забормотала Алиса. – Что вы имеете в виду... завершить и разрабатывать? Не хотите же вы сказать, что уже был такой случай?

Обращалась она персонально к Лохматову, тому и пришлось густо краснеть и выкручиваться.

– Был такой случай, – кивнул Лохматов.

– И что с ней стало?

Олежка дипломатично пожал плечами.

Алиса повернулась, скрипнув стулом. Максимов тоже пожал плечами.

– Убили, – простодушно пояснил Вернер.

Настала очередь Максимова крутить у виска. Вернер быстро соорудил наивную физиономию: у нас запрещено говорить правду?

Алиса напряглась, зарумянилась было, затем ослабла и моментально побелела. Ручонки, тербящие батистовый платочек, упали на колени. Занавес.

– Минуточку, – нахмурился Максимов, – мы не в театре – играть трагедию на пустом месте. Постарайтесь успокоиться, Алиса. Ничего не случилось и, дай бог, не случится, если вы возьмете себя в руки. Я не верю в совпадения. Объясните простой факт: каким образом вы очутились в агентстве «Профиль»? Оно ведь находится не на территории вашего района. Трудно представить случайное совпадение: шли мимо, узрели вывеску...

– Я не шла мимо, – судорожно вздохнула Алиса. – В почтовом ящике лежала вырезка из рекламной газеты «Ва-банк». Сыскное агентство «Профиль»: «Мы возьмем на себя ваши заботы... Гарантируем полную конфиденциальность и скорейший результат... Недорого»...

– Снимаю порчу... – пробормотал Вернер.

– Я случайно обнаружила. Газет не выписываю, письма редко приходят... Поднималась вчера по лестнице – в ящике белеет что-то... Ее так аккуратно вырезали из газеты, но сверху белая полоса осталась, а на ней – «Ва-банк», шестнадцатое апреля. Честное слово, я даже не знала, что у нас в стране существуют частные детективные агентства...

– Кхм, – кашлянула Екатерина. – А вы, извините, девушка, кто по специальности?

– Инженер. Восьмой категории. В конструкторском бюро работаю. Федеральное унитарное государственное предприятие «Кранпроект». – Девушка снова зарделась. – В прошлом году институт окончила. Обещают повысить, дать девятую категорию...

– И с каких, интересно, пор мы бросаем гражданам в почтовые ящики свои рекламные зазывалки? – ядовито спросил в пространство Максимов.

– Я не бросал, – возмутился Вернер.

– И я, – спохватился Лохматов.

– А я тем более, – фыркнула Екатерина.

Воцарилось гробовое молчание. Все многозначительно посмотрели на приоткрытую дверь.

– Я че, дура набитая? – обиделась приемная. – Мне оно надо? Я, между прочим, нанятый работник. Сажу, бумажки перекладываю.

– Вы знаете, я, пожалуй, пойду, – внезапно ожила посетительница. – Вы меня извините, я тут наговорила... – Слабость в сочленениях пропала, Алиса взлетела со стула и, стиснув зубы, устремила к двери. Лохматов машинально отшатнулся – приказа не пущать не поступало.

Хлопнула дверь. Было слышно, как далеко на лестнице цокают каблучки.

– Ха, – саркастически произнесла приемная, – два по психологии, кол по этике.

– А что мы ей такого сказали? – сморщился Лохматов.

Бес вцепился в извилину и лихо ее скрутил. Максимов выпрыгнул из-за стола. Сигареты – в карман, барсетку – на запястье.

– Екатерина, живо звони Корнееву, прояви обаяние и обрисуй ситуацию. Пусть надавит на коллег из Заельцовки – не совсем уж они деревянные... Лохматов, добудь информацию об этой штучке. Вернер... Хотя что с тебя взять. На связи сиди.

– Андреич, опомнись! – вякнул Вернер. – Сам же насучил...

– Цыц! – рывкнул Максимов, выбегая из агентства.

Это не просто блажь, отметились в мозгу, а новая победа сил добра над силами разума!

Прекрасный весенний день. Солнышко искрится, травка проклевывается, девушки улыбаются, оголяя бедрышки и пупки. Так и хочется забить на работу, послать все к ядрене бабушке, умчаться на природу и забыться – пусть клещи жрут... Алису вынесло из агентства и швырнуло к бровке тротуара.

«Вывеску бы обновить, – неожиданно подумал Максимов, – триста лет не обновляли». Алису толкнули – какой-то хам в полосатых пижамистых штанах. Извиняться не стал – гоготнул, попрыгал дальше. Девушка затравленно завертела головой, прижимая сумочку к груди. Улица полна двуногих, все спешат, никому нет дела до чужих проблем. Машины гудят, народ на остановке томится. Работяги монтируют гигантский каркас для рекламного щита. Занят полуторамиллионный город...

Алиса неуверенно шла по тротуару. Остановилась, кусая губы, двинулась обратно. Максимов уткнулся в витрину «Книжного мира». Много книг, хороших, разных. Коэльо, Пелевин, Маринина... Она прошла совсем рядом – хрупкое зеркальное отражение. Ступила на проезжую часть и смешно вскинула руку (нечасто инженеры восьмой категории пользуются услугами легковых авто). Мгновенно нашелся любитель необременительной халтурки. Серая «шестерка» свернула с полосы и ткнулась в поребрик. Алиса спросила, водила кивнул. Максимов заметался по тротуару. Целая парковка у агентства, где они все? Грузовик мебельной фирмы, джип с одноименным названием – все не то. А на проезжей части пусто – у светофора замерла стайка. Единственная «хонда-цивик» у бордюра, и ту пытается прибрать к рукам очкарик с «дипломатом». Убеждает водителя, но, похоже, безуспешно. Максимов подскочил в три прыжка, отгеснил очкарика.

– Позвольте! – Да пошел ты... Плюхнулся на сиденье и хлопнул дверцей.

– Шеф, поехали, любые деньги плачу. За серенькой «жулькой» – она у светофора.

– Почему вы все полагаете, будто я такси? – произнес насмешливый женский голос.

Максимов изумленно повернул голову. Крепко сложенная дама в джинсовом костюме, прищурившись, смотрела на него и уже готова была рассмеяться.

– А разве нет?

– Нисколько, молодой человек. – Она уже смеялась, стрельнули лучики морщинок в уголках глаз. – У вас такой смешной вид... Автомагазин видите через дорогу? Собственно, в него я и собиралась зайти. Нет, я в детстве, конечно, мечтала стать таксисткой, за руль села в шестнадцать лет...

Поздно чертыхаться. Работать надо.

– Женщина, милая, – взмолился Максимов, – вернитесь, пожалуйста, в свое детство, всего на несколько минут. Ведь это же прекрасно – возить благодарных пассажиров! А я по завершении поездки куплю вам цветочный киоск – вместе с товаром, «крышей» и продавщицей, хорошо? Вам понравится.

А даме этот парень уже понравился.

– Врете вы все, – рассмеялась дама, давя на газ...

Максимову несказанно повезло. Приятная, улыбчивая, немного с грустинкой женщина, назвавшаяся Галиной, работала инструктором в автошколе «Виразж», то есть «чайником» в вождении не являлась по определению. Серые «Жигули» уже ушли за перекресток. Маячить полминуты на красном означало их полную и безвозвратную потерю.

– И ничего нельзя поделать? – расстроился Максимов.

– Можно, – философски заметила Галина. – Из любой безнадежной ситуации всегда найдется достойный выход. Беда лишь в том, что иногда он причиняет беспокойство окружающим. Держитесь крепче. – Она изящно вывернула руль, объехала неуклюжий фургон и снайперски

точно прошла в миллиметре от серебристого «мерседеса». Вынеслась на боковую улочку, подрезав «девятку», обрулила испуганно гудящую «Волгу», пронеслась в зазоре между идущими с приличной скоростью «паджеро» и «тойотой» и впрыгнула в тенистый дворик пятиэтажки.

– Потрясающе, – воскликнул Максимов, – я даже испугаться не успел. А вы уверены, что мы догоним?

– Должны, – кивнула Галина. – Им свернуть некуда. На Пражской асфальт кладут, дорогу перекрыли, два квартала – только прямо. И полоса там двойная – не развернуться.

По дворику пролетели как по автобану. Благородный дог с трусливым визгом выпрыгнул из-под колес. Новый дворик – как близнец первого, переулок, боковая улочка... Степенные «шестьдесят» мимо будки с гаишником, снова рывок – и... аккуратно пристроились в хвост серым «Жигулям», собравшимся свернуть с главной дороги.

– Брависсимо, – восхитился Максимов. – Вы властительница жанра, Галина. Это было потрясающе.

– Потрясающе? – хитро покосилась на него женщина. – Мне кажется, такие слова говорят после хорошего секса.

– Это лучше, чем секс, – не смутился Максимов. – Последний также создает вакуум в желудке, но, должен заметить, не всегда. Риск не тот.

– Согласна, – улыбнулась женщина. – В сексе меньше вероятность быть расплюснутым под грудой железа. А кого мы преследуем, не поделитесь?

– Девушку, – лаконично объяснил Максимов, – просто девушку.

– Ну конечно, – фыркнула Галина, – больше некого. Просто девушку. Способную на громоподобный секс. Иначе к чему бы такая суета?

Максимов скромно промолчал. О способностях Алисы в плане извержения грома и сопутствующих молний он не знал ничего, и знать не собирался.

Больше серые «Жигули» Галина не теряла. Как села на хвост, так и довела до парадных ворот Центрального парка, где велась бойкая торговля мороженым и прочей съедобной чепухой.

Не успела Алиса покинуть машину, как от очереди в киоск отпочковался сутулый молодой человек в неприлично расклешенных штанах и бесцеремонно полез к Алисе целоваться. Очевидно, он ее поджидал, а скромная зарплата инженера восьмой категории позволяет иметь незатейливый сотовый телефон. От поцелуев губошлепа Алиса не увиливала, но принимала их без жаркого энтузиазма. Скучающая очередь проявляла признаки интереса. Странная парочка проследовала в ворота и ступила на центральную аллею. Долговязый тип пытался приобнять Алису.

– Идите уж, – проследила за реакцией клиента Галина. – Вижу, как вам не терпится за ними припустить. Подождет мой цветочный киоск... А знаете, в целом странно. Этот молодой жираф не выглядит вашим достойным конкурентом. А так называемая девушка, на мой взгляд, простовата для вас. Или я отстала от жизни? Любовь зла и слепа?

Рассмеявшись, Максимов выудил из кармана визитку и вручил улыбающейся даме.

– Вашими бы устами, Галина. Не любовь зла, а работа.

– Вот оно что, – взметнулись брови, – частное детективное агентство... Послушайте, Константин Андреевич, вам водитель с личным автотранспортом не требуется?

Максимов смутился:

– Обходились пока. Хотя с вашими способностями, Галина... Надо подумать. Звоните. Здесь телефон офиса и мой сотовый.

Оставив на панели две сотенные бумажки и тепло поблагодарив улыбчивую особу, он бросился догонять поднадзорных...

Алиса с «жирафом» сидели на облезлой лавочке в глубине аллеи. Посторонних почти не было. Алиса что-то горячо доказывала приятелю. Телячьи нежности давно завершились.

Долговязый субъект был скорее раздражен, чем доволен. Она его о чем-то просила, умоляла, он огрызался. Это продолжалось минут десять. До истерики и заламывания рук дело не дошло. Пламенная речь Алисы сменилась немногословной в исполнении приятеля. Он не говорил, а чеканил. К сожалению, слова не долетали. Затем демонстративно посмотрел на часы, встал и пошел. Алиса потрясенно смотрела ему в спину – раздавленная, оплеванная. Сжавшееся тело обмякло...

До субботы ей ничто не угрожало. Максимов оторвался от вечнозеленой елочки и побрел за парнем. Таинству слежки обучился еще в милиции. Впрочем, красться и испытывать себя на невидимость не собирался – парень его не знал.

Без особых хлопот Максимов довел объект до большого сталинского дома на углу улицы Спартака, где парень вошел в арку и всплыл в ухоженном дворике. Пару минут общался с местным жителем – местный житель выгуливал препротивного питбуля. Похихикали, пожали руки.

Долговязый поволокся в третий подъезд, дал пинка перебегающей крыльцо кошке – бедное животное сделало дугу и с воем зарылось в грудку прошлогодней листвы. Максимов вошел следом, на втором этаже обогнал его. «Жираф» брэнчал ключами. Покосился на сыщика. На четвертом этаже Максимов остановился, сообразив, что хватит. Парень открыл ключами тридцать девятую квартиру на третьем этаже и резко хлопнул дверью. Прибыл.

Переждав между этажами, Максимов спустился во двор. Покурил на лавочке, стараясь не смотреть на окна. Пользы от этого кукования никакой. И питбуль начинал проявлять гастрономический интерес. Всем ежам понятно, что «жираф» пришел домой. Живет он здесь.

5

Маринка обложила глянцевыми «Авто-ревью» и вдохновенно постигала азы нелегкой шоферской доли.

– Папахен, ты не будешь возражать, если мы сегодня обойдемся без пиццы? – пробурчала она, не вставая с дивана.

Возражать, по всей видимости, было глупо. Пищей в доме не пахло. Но Максимов не возражал – он еще обеденную не переварил.

– Согласен, дочь, могу и завтра не возражать.

– Отлично, пап, сооруди себе глазунью, а то устала я чего-то. – Процесс познания входил в не самую благоприятную для родителя фазу.

Держа курс из прихожей на кухню, Максимов задумчиво покосился на телефон. К концу рабочего дня он решительно не наблюдал в агентстве Лохматова. Екатерина присутствовала, дефилируя с лейкой от одного цветочного горшка к другому. Вернер восседал в любимом начальственном кресле и наслаждался зрелищем екатерининских изгибов. Любаша, загрузившая в компьютер десяток игр, втихомолку резалась в «Симпсонс». А Лохматова не было ни в одном углу. Может, так и надо?

Телефонный звонок пререзался в тот момент, когда он положил на него руку.

– Ну что вам рассказать про Сахалин, Константин Андреевич? – бодро начал Олежка. – Именно оттуда и перетекла наша фигурантка – из страны гигантских лопухов и нежных вечерних цунами.

– Ты о ком? – не врубился Максимов.

– Как – о ком? – обиделся Лохматов. – Об Алисе Григорьевне Верницкой – сами же отправили меня собирать о ней информацию. Забыли? Я уже все ноги отбил.

– Я ни о чем не забываю, – строго напомнил Максимов. – Просто мысли иногда разбегаются. Глаголь дальше.

– Так вот. Из этой самой страны она и прибыла. Из всемирно известного города Тымовск. Есть там такая большая деревня, вы не знаете. В ней, кстати, и продолжают проживать Алисины родители. А сама Алиса приехала покорять столицу Сибири...

– Ты об этом в третий раз говоришь, – недовольно перебил Максимов. – Тоже мысли разлетаются?

– А я больше не знаю ничего, – простодушно объяснил Олежка. – Просто парень знакомый на кафедре технического универа помог залезть в архив, там мы ее и откопали. Училась на отлично, в общежитии не жила. В две тысячи третьем выпустилась с красным дипломом. Но кому он нужен, этот красный, в наши-то суровые времена?.. А проживала Алиса все эти годы, да и продолжает это делать, на улице Дачной в двухкомнатной теткиной квартире. Померла старушка два года тому назад, жилплощадь оставила племяннице – то есть непосредственно Алисе, так что в вопросе жилья у фигурантки проблем нет. Это все, Константин Андреевич, дальше глаголить не о чем. Информацией о личной жизни Верницкой не располагаю.

– А это самое главное, Олежка, – мягко пожурил Максимов. – Ну да ладно, отдыхай, спасибо за информацию.

...Не любил он истории про мистику. Все эти таинственные, невидимые глазу силы, знамения, предсказания, роковые стечения, находящие в итоге разумное объяснение, но осадок оставляющие, так что и не поймешь, чего же было больше – правды или этой самой, запредельной...

На подходе к своей любимой подворотне он почувствовал непорядок. Надо менять дорогу к Маше – нормальные герои всегда идут в обход. Но в этот вечер он не стал менять

направление – летел на крыльях, поскольку удалось на полчаса пораньше, не убивать же это драгоценное время на объездные пути...

Он отважно вошел в подворотню, смело прижался к стеночке и решительно встал на цыпочки. На месте вчерашней драки кто-то возился.

– Кто здесь? – сдавленно ахнуло под сводом. Женщина подпрыгнула, отпрянула. – Не подходите...

– Оксана, это вы? – изумился Максимов.

– Кто это?.. Постойте... Костя? Вы опять здесь? Вы следите за мной?

– Слежу за вами? Да оставьте, Оксана, какая вы смешная... С какой стати мне за вами следить? Я хожу этой дорогой четыре раза в неделю. А вас какая нелегкая опять занесла?

Максимов оторвался от стеночки и подошел поближе. Женщина напряглась, но не отступила.

– Неприятности у меня, Костя... Вчера, когда эти... сумочку дернули, все посыпалось... Там карта банковская была – пластиковая такая, маленькая. А без нее мне деньги не снять, Костя.

– И вы специально ждали темноты, чтобы искать было удобнее?

– Да я недавно обнаружила! Мимо банка шла, сумочку перерыла – нет моей карточки. Бегу до подворотни – а тут вы...

– Заплатите штраф – новую получите.

– Да придется... Знаете, Костя, для меня пятьсот рублей пока еще деньги. Даже немалые.

– Полностью с вами согласен, Оксана. Деньги есть деньги, давайте искать.

Ему опять придется идти к Маше с дырявыми коленками. Не слишком ли много женщин переходит дорогу в последнее время? Самое смешное, что через десять минут собирания грязи в этой вонючей, затхлой подворотне он нашел злосчастную карточку! Отлетела метра на три и удачно приземлилась в щель. Проводил рукой в непосредственной близости от брусчатки, зацепил округлый кончик и, сам того не желая, жутко обрадовался.

– Держите, Ксюша, свою кормилицу.

Оксана вскричала от радости, и только природная скромность не позволила взять ей Максимова за уши и крепко расцеловать.

– А вы знаете, Костя, я бы так далеко не полезла, спасибо вам. Вы не проводите меня еще раз до такси?

Они опять стояли под единственным функционирующим фонарем. По аллее с матами и перематами прошла компания подростков. Дама робкого десятка – схватила его за локоть и уже не выпускала, пока он не поймал такси.

– Вы же не в милиции работаете, Костя? – с придыханием, привстав на цыпочки, спросила женщина.

– Успокойтесь, Оксана, – улыбался Максимов, – не в милиции. Но в организации, обязанной дружить с милиционерами и оказывать им всяческое содействие. – Очередная увитая каббалистическими крючками визитка выпорхнула из кармана и угнездилась в компактной женской ладошке.

– Надо же, – по-детски удивилась женщина, – вы меня так интригуете, Костя... А можно, – она привстала на самые носочки, – я вам позвоню?

– Можно, звоните, – не совсем уверенно разрешил Максимов.

– Или сами мне позвоните. Мой номер хорошо запоминается, – она торопливо, пока очередной рыдван обруливал просевший пласт асфальта, продиктовала. Максимов не хотел запоминать (слишком много женщин). Но как-то автоматически отложилось.

Листок календаря с цифрой «шесть» полетел в корзину. На дворе седьмое. Пятница. Полдень. Напротив Максимова сидела Алиса Верницкая – нисколько не посвежевшая за ночь. За спиной посетительницы уныло мерцали детективы.

– Вы вернулись, – зловеще констатировал Максимов.

– Да, иногда они возвращаются... – свистящим шепотом вымолвил Лохматов.

Екатерина украдкой показала Олежке кулак: схлопочешь, мол, по заправке.

– Он опять позвонил. – Алиса вытянула из сумочки спасительный платочек и промокнула набежавшую слезинку.

– Понимаю, – кивнул Максимов, – намекал на субботу. А суббота завтра. Ну что ж, Алиса, вы успели на досуге поразмыслить, кому из живущих на планете интересна ваша гибель?

– Успела, – понуро согласилась Алиса. – Никому.

– То есть совсем, – уточнил Максимов.

– То есть да. – Алиса решительно кивнула, и было видно, что, невзирая на страх, эта решимость непоказная.

«Любопытный маньяк, – подумал Максимов. – Интересно, он задумывается над тем, кого убивает?»

– А голос мужчины, звонившего вам...

– Незнакомый.

– А теперь внимание, Алиса. Опишите как можно подробнее и точнее этот голос. У вас техническое образование, вас трудно обмануть. Использовалось ли при разговоре устройство, позволяющее менять тембр или интонацию? Действительно ли голос принадлежит мужчине? Подумайте.

– Да издумалась уже вся, – передернула Алиса плечами. – На работу, не поверите, в бигудях пошла – пришлось в подворотне снимать... Этот голос действительно принадлежит мужчине. Молодому мужчине – от двадцати до тридцати лет. Выразительный такой голос. Никакого устройства нет – слишком явственное дыхание – сиплое такое, натужное, с хрипами в глубине горла... Первый раз он показался мне дрожащим – то ли пьяным, то ли сильно усталым. А второй и третий звучал пронзительно – проникновенно так. Вроде и негромко, но очень доходчиво и... ужасно. Вы когда-нибудь видели фильмы ужасов? Способны представить сиплый механический голос в телефонной трубке, от которого мороз по коже? – Алиса втянула голову в плечи и принялась переживать все заново.

Сотрудники молчали. Очевидно, пытались вспомнить не самые бездарные ужастики и наиболее удачные эпизоды, когда действительно было страшно.

– Хорошо, Алиса, – с душевным сопротивлением принял непростое решение Максимов, – мы попробуем разобраться с вашей проблемой.

– Возьмем на себя ваши заботы, – съязвил Вернер.

– О финансовой стороне поговорим позднее. Один из наших сотрудников будет постоянно находиться при вас – в качестве гаранта безопасности. Мера принудительная – боюсь, ее не избежать. В случае вашего отказа мы будем вынуждены распрощаться. Сотрудник опытный, Алиса, всесторонне подготовленный (Екатерина картинно схватилась за животик, а Вернер, который, собственно, и имелся в виду, внезапно принял задумчивый вид). А сейчас, Алиса, все посторонние выйдут из этого кабинета, останетесь только вы и Екатерина Сергеевна – наша сотрудница, прошу любить и жаловать, – и вы без утайки опишете ей всю вашу личную жизнь за последние два года – вплоть до кособокого взгляда из подворотни, который вы ненароком перехватили в позапрошлую пятницу, вынося мусор. А все остальные пойдут обедать.

Час спустя они с Екатериной стояли у окна и на сытый желудок наблюдали, как Вернер под локоток уводит Алису подальше от агентства. Склонился к виску, что-то шепчет, и, похоже,

не без пользы – Алиса кокетливо отвечает, спинка прямая, а бедра начинают совершать плавно-округлые движения.

– Очень хочется помахать ему платочком. Но не оглянется же, гад, – с горечью заметила Екатерина. – Угадай с трех раз, почему, узнав о своей исторической миссии, наш Вернер перестал брюзжать?

– С трех раз я не угадаю, – ухмыльнулся Максимов, – попытаюсь с пяти.

Все дело в «изюминке», которую Алиса упорно и небезуспешно скрывает. Но у старого бабника Вернера глаз набит. «Послужной» список Алисы Верницкой не такой многотомный, как, скажем, у Дарьи Асламовой, но в монашки ей пока рано. Все студенческие интрижки можно смело опустить – было и прошло, кто упомнит? Законным мужем не обзавелась. Проживает в двухкомнатной квартире на улице Дачной. Год назад еще молодой, неопытной выпускницей крутила двухнедельный романчик с начальником смежного отдела – бородатым, похожим на потомственного ичкерийца, – завершившийся горючими слезами в подушку и проклятием всего рода мужского. Искрометная интрижка с коммерсантом Придорожным – писаным красавцем. Явился в бюро с просьбой спроектировать за живые деньги помпезные ворота на дачу и не смог проигнорировать страдающее за кульманом создание. Отвез в гостиницу – в «нумера», где и покусился на половую неприкосновенность. Продолжалось это удовольствие не больше месяца, и в один прекрасный день красавчик испарился. По жене, видать, соскучился. Долговязый губошлеп, бросивший девушку в парке, – некто Денис Лысенко, считающийся на данный момент ее бой-френдом. Исключительно на безрыбье. Работает ведущим попсовой радиостанции, к Алисе относится неоднозначно (порой по-свински), но в принципе не бросает. Хотя и может – в поклонницах недостатка не испытывает. Любят безмозглые барышни этого говоруна с мокрым ртом. Есть еще некий Эдик, персонаж из разряда отвергнутых. А вот этот тип Алису порядком напрягает. Раньше вместе работали – кульманы впритык стояли. Был уволен за пьянку (а запой повлек роман Алисы с начальником смежного отдела). С тех пор практически не работает, продолжает пить, часто звонит, просит невозможного, а то и вовсе сидит часами под окнами на детской площадке, мечтая об аудиенции. По следу неопрятного Ромео и отправился Олежка Лохматов, сопроводив уход недоуменным: «И чего они нашли в этой мымре? Я бы с ней и за тысячу рублей не стал...»

Екатерина, отойдя от окна, внезапно заскучала. Подчеркнуто медленно перекладывала бумажки с края на край, выразительно смотрела на Максимова. Потом приблизилась с пластичностью пантеры, стала сдвигать с начальника пылинки. Вскоре ему это надоело.

– Уходи, Екатерина, – злобно рыкнул Максимов, – и больше никогда не влюбляйся. Надеюсь, этот роман не затянется, как «Война и мир»? Брысь отсюда. Но сотовый не выключай – вдруг в бой ввяжемся.

Озарившись лучезарной улыбкой, сыщица чмокнула Максимова в нос и унеслась. А он придвинул к себе телефон. Номер РУВД набирался тяжело, с пробуксовками. Капитан Корнеев уже был введен в курс событий сотрудницей агентства «Профиль» («И большая просьба – никогда больше не звонить во время обеда»). Да, коллеги в Заельцовском с ситуацией ознакомлены. Да, имеется особая папка, на которой вот-вот чего-нибудь напишут. Но это не значит, что они все бросят и начнут усиленно опекать потенциальную жертву – дел неуправляемо. Скоро смотр – выявление лучших по профессии. Начальство жмет – планы не выполняются (по отлову террористов, наркоманов, проституток и беспризорных). «Глухарина стая» опять же слетелась... Мало ли кто кому звонит. У нас по пять миллионов звонков в городе ежедневно. Вот появится состав преступления – вот тогда и приходите. Вот тогда поговорим.

В общем, косность и равнодушие.

– Вы не станете возражать, капитан, если люди моего агентства возьмут на себя заботу о гражданке Верницкой? Ведь должен кто-то защищать покой и безопасность наших граждан.

– Вы когда-нибудь доиронизируетесь, Максимов, – рявкнул Корнеев и довольно беспремонно прервал беседу.

Вестей с фронтов пока не поступало. Максимов пристально изучал голую стену напротив стола. Единственную во всем офисе, на которую он не позволял ничего вешать. Эту стену он использовал в качестве экрана. В минуты дум и озарений всматривался в него до боли, въедливо – пока по шероховатым обоям не начинали двигаться фигуры, напрямую связанные с думами. Реальные события, возможные события, их участники и зачинатели... Он где-то читал, что подобным образом Роберт Шекли видел сюжеты своих творений.

События последних дней тянулись караваном. Живая Ирина Кулагина, мертвая Ирина Кулагина (два разных персонажа!), муж последней (или первой?), беспокойно шныряющий глазами и рвущийся на аудиенцию к Корнееву. Драка в подворотне, Оксана... Виртуоз уличных гонок Галина... Снова Оксана из подворотни. Алиса Верницкая...

Поневоле он чувствовал себя заинтригованным этим новым и, похоже, безнадежным делом. Слишком много женщин. Поразмыслив, он решил зайти с другого конца.

Приказав Любаше запереться и никого без пароля не впускать, Максимов выбрался на улицу и сел в такси. Водитель не чета вчерашнему – ехал так, как будто позабыл, где у него вторая передача. Не ехал – на месте стоял! Порядком взбешенный, Максимов вышел из машины на углу улицы Спартака, нырнул с оживленной магистрали в арку. Сделал несколько шагов и внезапно испытал странное чувство. Тяжелый взгляд в спину. Словно оглоблю на плечи положили.

6

Все прошло, все улетучилось. Не было взгляда. И оглоблю сняли. Но осадок оставался. Неприятно. Что он видел три секунды назад? То ли лицо мелькнуло знакомое, то ли... голова уже не варит? Он резко – по-военному – повернулся на сто восемьдесят и потопал на улицу Спартака.

Никого. Ага. Вернее, не сказать что уж совсем – людей на улице предостаточно. Идут, не оборачиваясь, а затылки ни о чем не говорят. Очередь в киоск за печатной продукцией. Торговка семечками с постным анфасом. Любители пирожков толкуются у «Подорожника»... Размеренное движение по тротуару. Люди-манекены...

Так бывает, когда зайдешь в дорогой магазин, торгующий одеждой, – где-нибудь в центре. Просторные залы, кругом манекены, а между манекенами натканы девочки-продавицы. Но это не сразу замечаешь – что они живые. Те же позы и одежды, та же вдохновенная недвижимость и пустота в лицах. Чувство реальности теряется. Он однажды к манекену обратился: дескать, где у вас рубашки сорок последнего размера? Один черт, что у живых спрашивать – те тоже не знают...

Он тряхнул головой, сбрасывая дурь. Народу на улице не убавилось. Нормальные люди, никто не работает. Невзрачная «восьмерка» отвалила от тротуара – подъезжает к светофору. Может, в ней и сидит некто, удостоивший Максимова недобрый взглядом? А как у него обстоят дела с запахом свежести и утреннего альпийского луга?..

Питбуль загнал на дерево кошку и ходил кругами, плотоядно облизываясь. Несчастное животное душераздирающе орало. Хозяин питбуля стоял в сторонке и равнодушно курил.

Тридцать девятая квартира хранила трусоватое молчание. Максимов упорно давил на звонок. Наконец в квартире скрипнула половица, кто-то на цыпочках подошел к двери и прильнул к глазку. Застенчивый какой. Максимов раскрыл папочку, которую носил для солидности, и сделал вид, будто что-то записывает. Дверь наконец открылась.

Он и есть – молодой, долговязый «жираф» с оттопыренными губами и взъерошенным чубом. Выше пояса – голый, ниже – шорты с алыми завязками. Ребра торчат как арматурины из бетона. Бифштекс из этого парня получился бы никудышный. Яркое подтверждение постулата, что нет на свете более несовершенного создания, нежели человек.

Облизнув губы, долговязый продолжал рассматривать Максимова.

– Заряженному танку в дуло не смотрят, – строго произнес Максимов. – Лысенко Денис Валерьянович?

– Чего надо? – вякнул парень.

– Разговор на пять минут. – Максимов предъявил лицензию.

Парень посмотрел ему за спину, покосился на лестницу, после чего взялся читать предложенную его вниманию бумажку..

– Это че такое? – спросил по-простецки.

Максимов бережно сложил документ.

– Я не отниму у вас много времени. Разрешите? По поводу вашей подружки – Алисы Верницкой.

– Ну е-мое... – раздраженно зашипел парень, бросая вороватый взгляд в глубину прихожей. – Я так и знал, что эта дура начнет воду мутить... Мусарня отфутболила, так она до частных добралась... А у меня выходной, между прочим, заслуженный, блин... Ладно, проходите. Только на кухню и по-быстрому.

Следов наличия предков в квартире не просматривалось. Похоже, Денис Лысенко передвигался по жизни самостоятельно. Причем потешно. Пытался косить под богему – стены на кухне увешаны репродукциями импрессионистов, пестрящими раздетыми телами, плакат

«Секс пистолз» столетней давности, ноутбук в борще, использованный презерватив на горке мусора в ведре – орудие посильного труда.

– Алиса утверждает, будто ей поступают телефонные звонки с угрозами. – Максимов брезгливо остановился посреди кухни. Грязь несусветная.

– Да знаю я, – отмахнулся Денис. – Убить Алису собираются – насмерть, блин.

– Насмерть, – подтвердил Максимов.

– Через неделю?

– Через неделю. Кстати, неделя истекает завтра.

– Да бросьте вы, – харкнул долговязый в раковину, – не идите на поводу у Алисы, она еще и не такого наплетет. Достала уже.

– Два дня назад погибла женщина, которой поступали похожие угрозы. Ее нашли задушенной в собственной постели.

– Ну и что? – вскинулся Денис. – А при чем здесь Алиса? Боже ты мой... – Он молитвенно воздел узловатые пальцы к потолку и плюхнулся за обеденный стол, украшенный засохшими разводами. За сим последовал эмоциональный монолог, из коего явствовало, что мнительной дуре Алисе верить нельзя ни под каким предлогом – уж он-то Алису знает... Ах за ними следили... А какое, собственно, имели право?! Да, погавкался он вчера с Алисой, ну и что? Дура-баба. Насмотрелась жутиков, навывдумывала черт-те что. Он охотно допускает, что Алисе кто-то позвонил, пошутил прикола ради на ночь глядя, чтобы спалось веселее, а она восприняла за чистую монету. Требуется, чтобы Денис отвез ее на дачу и не спускал с нее глаз. А ему делать больше нечего?! У него ответственная работа, между прочим («день, ночь, сорок восемь»). Кто еще, как не Денис, будет нести культуру в безграмотные массы радиослушателей? Алисе лечиться надо. Заносит иногда. Он давно замечает за ней клинические странности. Ну кому, скажите на милость, понадобилось ее убивать? Абсолютно безвредное существо без гроша за душой. Целое агентство на уши поставила. А рассчитывать чем будет? Нечем! Квартиру заложит?..

На прозрачный намек, что это не его собачье дело, Денис начал громко фыркать и обижаться.

– Ты скоро, Денис? Мне скучно! – прервал полемику капризный женский голос.

Парень заткнулся на полуслове и густо покраснел (а что, мол, такого?). Вот с этого и следовало начинать. Отворилась дверь в конце коридора, и показалась растрепанная носатая особа с сигаретой на нижней губе. Висящие до пупка прелести кое-как прикрывала мятая простыня. Меньше всего эта, с позволения сказать, женщина напоминала Алису Верницкую. Да и где сейчас Алиса? Бедная крошка.

– Здра-авствуйте, – протянула особа.

– Любопытный феномен, – ухмыльнулся Максимов. – Мальчик с девочкой дружил, все такое...

– Ага, – улыбнулась особа. – А все, что им нужно, – это любовь.

– Вы ничего не желаете добавить к вышесказанному, Денис?

– Не желаю, – огрызнулся тот. – Я все сказал.

– Ну-ну, – усмехнулся Максимов. – Приятная у вас компания, ничего не скажешь.

И ушел, не попрощавшись, мягко притворив входную дверь. Не понять ему этого женского феномена. Чем руководствуются девушки с высшим образованием, выбирая в сопостельники ярко выраженное мурло? Им без разницы?

Твердо убежденный, что пора запрещать женщинам любить ушами, он пересек двор в обратном направлении, пробуравил арку, вышел на оживленную улицу и стал как вкопанный. Неужели снова?..

Самое время начинать нервничать. Попал под наблюдение? А с какой, позвольте, стати? Он угрюмо смотрел на запруженную движением улицу и чувствовал нарастающую злость. Может, милиция? Почему столь нездоровый интерес проявлял к его персоне капитан Корнеев? Почему мурыжил несколько часов кряду, настойчиво сверля глазами и думая о своем?... Нет, вряд ли. Не будет милиция наблюдать за частными сыщиками – это выше ее профессиональной гордости. Тогда кто? И где, интересно, в данный момент находится поднадзорная Алиса Верницкая? Вернер любой сюрприз преподнести может...

О местонахождении клиентки он узнал буквально через минуту. От созерцания оживленной улицы Максимова отвлек каприс Паганини из кармана.

– Константин Андреевич? – спросил насмешливый женский голос. – Это Галина, здравствуйте.

– Здравствуйте, – растерялся Максимов.

– Вы не помните меня? Мы вчера с вами создавали аварийные ситуации на дорогах. Развлекли меня и даже деньги заплатили. Я купила себе в подарок букет замечательных тюльпанов – на ваши деньги. От вас же не дожدهмся.

– Конечно, помню, Галина, – оживился Максимов. – Это было незабываемо. Благодаря вам я нашел свою клиентку, потерял и снова нашел. Вот только напрасно она целовалась с молодым «жирафом». Абсолютно жалкая и ничтожная личность.

– А вы не поняли сразу? Я бы с этим мерином и в одно такси не села. В данный момент ваша клиентка целуется с другим. Тут такая любовь под открытым небом, вы бы только видели... Оттого и звоню, может, вам интересно? Я стою у «Золотых куполов» – проезжала мимо, зашла в автозапчасти, а они из соседней двери выходят. Случайно, представляете? А сейчас сидят в кафе напротив «Куполов», едят мороженое и милуются. Вам интересно?

Он должен развеяться. Непременно. Так и тронуться недолго. До «Куполов» минут пятнадцать езды – не самый ближний свет, но бюджет агентства на такси в текущем месяце еще не вычерпан, почему не прогуляться?

– Замечательно, Галина, договорились. Если наши голубки вдруг разлетятся – держите меня в курсе. – Он шагнул к бровке тротуара и поднял руку.

Торговая зона с «Золотыми куполами» в центре к окончанию рабочего дня напоминала муравейник. Импровизированная автостоянка вблизи кафе «В гостях у гнома» ломилась от авто. Галина помахала ему рукой – она сидела в сиреновой «девятке», разрисованной рекламой автошколы.

«Слишком много женщин, неприлично много...» – бормотал Максимов, обтекая разнокалиберные капоты.

– Присаживайтесь, уважаемый сыщик, – отворила Галина дверцу.

Надвинув, будто шляпу, дежурную улыбку, он втек в салон и занял предложенное место. Машинально принялся. Вчера он ничего не чувствовал – ветер дул в открытые окна, а сегодня довелось. Запах был с горчинкой. Черемуха и сандаловое дерево. Она уловила непроизвольное движение. Улыбнулась, блеснув морщинками.

– От «Шеррер-два», Константин Андреевич. Парфюм для дам элегантного возраста. Я не банкирша, конечно, но считаю, что хороший аромат способен заглушить запах бензина. Вы судите о женщинах по их парфюмерным предпочтениям?

– И не только, – улыбнулся Максимов. – Еще по форме носа, разрезу глаз и овалу лица. Душевные качества оставляю на потом. А иногда и вовсе игнорирую.

– Логично, – кивнула женщина. – Ну что ж, любуйтесь на свою девчущку. Третий столик слева – их сейчас официантка заслоняет...

За Вернера можно было только порадоваться. Удивительная способность совмещать зарабатывание денег с их бесшабашным спусканием. Процесс охраны и охмурения входил в решающую фазу. Вернер с Алисой сидели за столом, тесно прижавшись друг к другу, с моро-

женным было покончено, оставалась лишь самая малость – довести до кондиции, поднажать... Алиса что-то щебетала, источая несмелую улыбку, Вернер ласково поглаживал ее по плечу и снисходительно посматривал на официанток: мол, сегодня, мордашки, не ваша очередь, но не беспокойтесь, я еще приду.

Сдерживая смех, Максимов вынул сотовый телефон, попутно служивший фотокамерой, и сделал несколько снимков. Будет чем порадовать сотрудника.

– Здорово я вам помогаю, да? – обрадовалась Галина.

– Ваш вклад в процесс дознания просто неоценим, – похвалил Максимов. – Мы выведем этого тихушника на чистую воду, не сомневайтесь. Это наш сотрудник, он выполняет важное и ответственное задание, но что-то не припомню, чтобы в инструкциях значились шуры-муры с клиенткой.

– И всего-то? – разочарованно протянула Галина. Максимов рассмеялся – уж больно расстроенное она изобразила личико. Хорошее такое личико, выразительное, даже морщинки и усталость от четвертого десятка неблагодарной жизни его решительно не портили.

Расстройство оказалось краткосрочным. Через минуту Галина уже хихикала над нелепостью ситуации. К сожалению, у Максимова рабочий день еще не кончился, о чем он с глубоким прискорбием и поведал. «Полевые» агенты все в трудах, а какой он им подаст пример?

– Приятно с вами развлекаться, Галина, однако работа есть работа. Вынужден откланяться. Кстати, насчет водителя с личным транспортом я, пожалуй, подумаю. Звоните.

– Да сидите уж, – улыбнулась Галина, заводя мотор. – Довезу вас до вашей многотрудной работы. Диктуйте адрес.

От такого предложения трудно отказаться. Максимов комфортно вмялся в кресло и приготовился плескать адреналином.

– Вот и все, – сказала Галина, ударяя по тормозам в миллиметре от ярко-красного «террано», – платить не нужно, фирма платит. Работайте, Константин Андреевич.

– А вы что будете делать?

– Пора об ужине подумать, – пожала Галина плечами. – Да пораньше спать лягу. В семь утра опять на автодром – новичков тренировать. Знаете, Константин Андреевич, ну просто жуткое количество людей, возмечтавших научиться ездить.

– А на ужин у вас что?

– Шницель по-баварски, – улыбнулась Галина. – В кафе напротив дома. Неплохая кухня, но, боюсь, через год меня разнесет – в машину не сяду.

– А как ваш муж относится к фастфуду?

– Никак не относится, – покачала она головой. – Мой муж... объелся груш.

– В каком это смысле?

– В прямом. Наелся фруктов немых, живот вспучило – в больнице дополнительную заразу занесли... у нас ведь по-прежнему самая передовая медицина в мире. Теперь на кладбище по субботам езжу, фиалочки сажаю.

– Простите.

– Ничего. Давно это было, свыклась. До свидания, Константин Андреевич.

Он сидел в пустом офисе и кропотливо восстанавливал в памяти промчавшийся как паровоз день. На часах начало восьмого. Сорок минут назад ушла ворчащая, разозленная на весь свет Любаша. Полчаса переработала! Пора и самому закругляться.

Зазвонил сотовый.

– Вести с полей, – бодро отрапортовал Лохматов. – Не поверите, Константин Андреевич, но я нашел Эдика. Того самого, что за Алисой хвостиком тянется. Соседи навели. Неприятный тип, брррр. Подрабатывает грузчиком в продуктовом магазине – напротив дома. Недавно

сгрузил с машины коробки с майонезом, купил колдырь, зафуфырили с приятелем на лавочке – вы бы видели этого приятеля...

– Понятнее выражайся, – буркнул Максимов. – Если купили колдырь – значит, заколдырили, если фуфырь – значит, зафуфырили. Не надо коверкать русский язык.

– Да вы суший лингвист, Константин Андреевич, – похвалил начальство Олежка. – Так вот, распили они, значит, мерзавчик белой, расстались, и сейчас фигурант не совсем прямо движется, судя по всему, к месту проживания нашей клиентки. Я не думаю, Константин Андреевич, что встреча с Вернером идеально ляжет в композицию. Или ничего, посмеемся? Он, кстати, не звонил?

Сработал городской телефон.

– Подожди, не отключайся. – Максимов положил сотовый на стол и снял трубку.

– Командир, ты знаешь, что у тебя сотовый занят? – глуховато спросил Вернер.

– Я в курсе. Докладывай.

– Задание выполняется, – доложил Вернер, – наводим мосты. Требую увеличения расходов. Во-первых, я нежелезный, а во-вторых, с целью установления доверительных отношений с будущей жертвой мы зашли в магазин женской одежды, где она сейчас подбирает очаровательную маечку за тридцать условных единиц, а я уныло топчусь в предбаннике и мучительно гадаю, на что куплю завтра хлебушка. Продвигаемся в сторону ее дома. На пути обязательно возникнет магазин «Сексуальные запчасти» – здесь нет другой дороги. Не зайти невозможно.

– У тебя что-то отвалилось? – удивился Максимов.

– Эх, командир, – вздохнул Вернер, – все бы тебе глумиться. А о деле ты подумал? Как отвлечь от горя клиентку? Маечка – это мило, но для закрепления...

– Так расскажи ей историю возникновения вибратора. Дешевле будет.

– А я ее знаю?

– Мельничихи присаживались на вибрирующие рукоятки мукомольных машин. А изобретатели бессовестно подглядывали.

– Здорово, – обрадовался Вернер. – Расскажу. Лохматов, кстати, не звонил? Как у нас насчет алкоголика, который донимает Алису?

– Лохматов на связи, – вспомнил Максимов. – Имеет для тебя важное сообщение. Соединяю.

Задумчиво уставился на две телефонные трубки. Приложил их одну к другой. Потом передумал – сложил валетом, опять задумался. Вконец запутавшись, утвердил в первоначальное положение, пристроил на стол и громко сказал:

– Общайтесь. У вас тридцать секунд.

Закурив, меланхолично уставился в окно. Через полминуты в стационарной трубке образовались гудки, а в сотовой озадаченно запыхтел Лохматов.

– Послушайте, Константин Андреевич, что за связь такая? Вернер на Чукотке?

– Это связь усилием мысли, Олежка. Быстро диктуй свои координаты, я подъеду.

Не успели оглянуться – час промчался.

Первым у П-образного кирпичного дома объявился некто Эдик – печально-неряшливый тип, которому давно бы пора постричься. Пешком отмахал полгорода, бедняжка. Есть такая порода людей – экономят на транспорте, чтобы купить лишнее пиво. Опустился этот парень ниже некуда – мятый плащ, щетина с добрый подшерсток. У таких экземпляров ближние всегда виноваты (женщины, начальники), покопаться в себе как-то храбрости не хватает – зачем? Самым вопиющим в экстерьере Эдика были выпуклые очки на перетянутой скотчем дужке – свидетельство скверного зрения и интеллигентного прошлого.

Повертев лохматой головой, Эдик доковылял до лавочки в углу двора – место привычное, как у киномана в зрительном зале, – выудил из куцега плащишки бутылку вонючего, принци-

пиально не пригодного к употреблению пива и открыл о край урны. Сел на лавочку, приготовился к молчаливой серенаде.

Появление Вернера с Алисой вызвало эффект разорвавшегося снаряда. Горлышко, не дойдя до рта, застыло. Ни хрена себе серенада... Эдик открыл рот и буквально позеленел. Предупрежденный Вернер заблаговременно снял руку с девичьей талии, но вряд ли сей пустяк обманул Эдика. Иного варианта, к сожалению, не было. Водить Алису кругами, ожидая, пока этот кадр уберется, было бесчеловечно. Эдик напрягся.

– Будь готов, – предупредил Максимов Лохматова. – Если покусится, бежим наперерез и косим под ментов. Не фиг пьяным болтаться по общественным местам.

– Всегда готов, Константин Андреевич, – козырнул Олежка. – Но сдается мне, у этого задохлика кишка тонка. Не попрет он на Вернера. Спорим?

Заклечь пари не успели. Эдик начал подниматься, но внезапно обмяк, как-то съезжился и плюхнулся обратно. Залпом выпил полбутылки, закурил. Опустил голову.

– Вот и умница, – сопровождал Максимов. – Так и будь.

Вернер первым вошел в подъезд. Алиса боязливо покосилась на Эдика и шмыгнула туда же. Эдик начал растекаться по лавочке.

Пять минут спустя Вернер доложил, что Рубикон перейден и дверь со стуком затворилась. Ситуация под контролем. Исключая початую бутылку питерского вермута «Монте-льяно» – в квартире ничего тревожного.

– Хорошенько запритесь, – посоветовал Максимов. – Обязательно проверь лоджию, шкафы, окна. Никому не открывать. Не хочу сообщать тебе неприятное известие, Саня, но, боюсь, эту ночь тебе придется провести в компании клиентки.

– Я напрягусь, – мужественно пообещал Вернер. – Надо, – значит, надо. Верь в меня, командир.

– Извини, Саня, и весь последующий день.

– Это суровое испытание, командир, согласен, – тяжело вздохнул подчиненный. – Но разве мы когда-нибудь пасовали перед трудностями? Передавай привет моим родным и близким. Скажи, что я их искренне любил.

Страстно хотелось домой. Поболтать с Маринкой, кинуться к Маше. Прогуляться по «мистической» подворотне – интересно, какие там сегодня сюрпризы? Но сидели не ропща. Олежка, правда, попытался заикнуться про сверхурочные, но быстро понял, что подобные разговоры в пользу бедных. Окончательно стемнело. Тень, сидящая на лавочке, внезапно поднялась и начала топтаться посреди двора.

– Уходит, – облегченно прошептал Олежка.

Как бы не так. Что творилось у Эдика в голове, не знал никто, – возможно, и сам Эдик тоже. Затоптав окурков, грузно покачиваясь, он направился к дому.

– По аллейке пойдет, – предположил Лохматов.

Но и эта догадка оказалась неверной. Какой-то шаркающей, приседающей иноходью Эдик дотащился до дома и без остановок взобрался на крыльцо. А вот это уже интересно. Олежка тяжело задышал и изготовился к рывку. Эдик потянул дверь – заскрипело, как в старых мельничных жерновах. Горе-любовник покачивался, не решаясь войти. В итоге вошел, и дверь с визгом забила в петлях.

– Испытание на профпригодность, Олежка, – возбудился Максимов. – Ты должен открыть эту дверь без скрипа...

У Лохматова получилось. Взялся за ручку и с напором подал вверх. Не сказать чтобы совсем беззвучно – но вполне приемлемо. Потрепав надувшегося парня по плечу, Максимов прошествовал в подъезд и на ощупь отыскал ступени. Дальше – легче. Подъезд тонул в темноте, лампочка у лифта не горела. Щелкнув зажигалкой, Максимов взлетел на высоту марша и остановился. Рядом чужое дыхание – коллега за спиной.

– Не дыши, – прошептал Максимов.

– Не дышу... – согласился Олежка, выдал звук, похожий на икоту, и вроде как подавился.

Шаркающие шаги Эдика были хорошо слышны. Поднимался тяжело, с одышкой, делая привалы на площадках. Каждый новый подъем начинался с матерного бормотания, переходящего в силовую респирацию.

Между шестым и седьмым этажами сыщики его догнали. Эдик буквально полз, сотрясая перила. Не спортсмен – дышалка прокурена, почки пропиты. Максимов вытянул назад ладонь, приказывая Лохматову замереть. Сам прислонился к изгибу перил, напряг глаза. Бесформенное пятно доползло до нужной квартиры, застыло. Эдик явно боролся с нахлынувшим чувством. Даже с двумя чувствами (включая трусость).

«Да какой же он влюбленный? – сплюнул мысленно Максимов. – Хренотень ходячая. Давно обрел бы человеческий облик, на работу устроился, денег накопил, подружку завел. Явился бы однажды к Алисе и гаркнул во все воронье горло: «Не люблю я тебя!» И вот тут бы началась настоящая книжная любовь...»

Утробное рычание огласило сжатое пространство. Трусость пополам с яростью создали интересный эффект: матюкнувшись, Эдик развернулся и, громко топоча, загремел вниз по лестнице! Интересное решение. Максимов отпрыгнул – мятая болонья шоркнула по плечу, а вот Олежке, похоже, досталось... Рычащее животное ни черта, однако, не заметило: рвалось вниз, грохоча ботинками. Тряслись перила... Где-то споткнулся, упал, загремел дальше.

– Ты живой? – опомнился Максимов.

Олежка что-то всхлипнул в районе мусоропровода.

– Говори яснее, – разозлился Максимов.

– Да куда уж яснее! – взорвался Лохматов. – Точно в люк задницей! С него тут крышку, как назло, сняли!..

Потом посмеемся, решил Максимов, вытягивая коллегу из помойного отверстия. Олежка, как всегда, преувеличил – только на край уселся.

– Послушайте, Константин Андреевич, а какая муха этого гада укусила? Совсем сбесился, да?

– Эта муха именуется отчаянием, Олежка, – популярно объяснил Максимов. – Полное сознание собственной несостоятельности. Только жаль, что посетило оно парня на пьяную голову... Последнее задание на сегодня, товарищ боец. Живо мчись за Эдиком и наблюдай, куда он канет. Не забывай докладывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.